

О. И. Рыбакова

**<I.> Поездка Анны Андреевны Ахматовой
в освобожденное Детское Село (Пушкин) с
писательской бригадой в июне 1944 года**

**II. Анна Андреевна Ахматова
в Детском Селе в 1920-е годы¹**

Подготовка текста и комментариев О. Е. Рубинчик

<I.> Поездка Анны Андреевны Ахматовой в освобожденное Детское Село (Пушкин) с писательской бригадой в июне 1944 года

Это было в 1944 году в самом начале лета: Анна Андреевна Ахматова только что вернулась из эвакуации, из Ташкента, и после короткого пребывания в Москве у друзей приехала в Ленинград. Война еще продолжалась, но враг был отогнан от Ленинграда и наши войска с боями уходили все дальше на запад. С фронта приходили письма, из которых можно было понять, например, что артиллерия войск Ленинградского фронта, всю войну стоявшая совсем близко к городу, теперь уже прошла Псков (писалось – пушкинские места) и вступила в Прибалтику. Все жили сводками и мечтали о будущем разгроме Германии, о Втором фронте, жили верой в приближающуюся Победу. Ничто больше не казалось недостижимым. Ленинград дышал свободно, были освобождены и пригороды: несчастные сожженные, расстрелянные и разрушенные Петергоф, Гатчина, Павловск и Детское Село. Мы говорили друг другу: «Все это невозможно – бедные наши дворцы и парки... Это невозможно простить, что они с ними сделали, проклятые фашисты!..»

Анна Андреевна Ахматова жила тогда в моей семье, в нашей квартире на набережной Кутузова (бывшей Французской), в доме № 12, квартире № 5, в четвертом этаже.² Ее комната в Фонтанном Доме Шереметевых (на Фонтанке) была занята чьими-то чужими вещами, квартира была наспех опечатана, везде, кругом были следы войны, запустение, грязь. Семья Пуниных – практически семья АА – еще не вернулась из эвакуации, и некому было там заботиться

об Анне Андреевне. Я же тогда работала с ненормированным рабочим днем (в домохозяйстве) и могла взять на себя заботы о быте Анны Андреевны.

Впрочем, Анна Андреевна сама тогда еще не хотела возвращаться на Фонтанку. Тому было много причин, о которых говорить сейчас еще преждевременно... Однако планы, с которыми она носилась в ташкентской эвакуации, уже не могли осуществиться. Отремонтированная квартира в доме ВИЭМ, о которой она мечтала как о тихой пристани, становилась призраком и, казалось, уходила в ленинградский туман. Все снова обмануло ее... Приезд в Ленинград оказался ошибкой. Надо было оставаться в Москве и получить там предлагаемую квартиру.³ Но сделанного – вспять не воротишь... Впрочем, довольно об этом. Перехожу к делу.

Итак, Анна Андреевна Ахматова жила уже несколько недель в своем временном пристанище в семье Рыбаковых на набережной Невы, в большой квартире, которую Ольга Берггольц, приходившая к АА, сравнила с рыцарским замком, хотя ничего «готического» там не было. Анна Андреевна жила в маленькой (тринадцатиметровой) комнате с окном в узкий ленинградский двор-колодец и очень много времени проводила в средней, проходной комнате, где было окно в потолок и стояли шведские шкафы с книгами. Еще там висела большая шпалера «Освобождение Греции от турецкого ига» 1830-х годов (ныне в Государственном Русском музее) и стоял большой старинный обеденный стол-сороконожка, окруженный стульями, вокруг которого вечером все собирались, а Анна Андреевна часто сидела и днем.

В квартире в то время, кроме Анны Андреевны, жили еще трое взрослых и один ребенок – моя трехлетняя дочка, посещавшая детский сад и не мешавшая АА. Это были моя мать,⁴ моя приятельница⁵ и я.⁶ Ребенка моей приятельницы в то время еще ожидали из эвакуации.⁷

Мне вспоминаются долгие вечера за круглым столом, разговоры, споры. Мы все почтительно слушали Анну Андреевну, она много рассказывала о Ташкенте, беседовала с нами о литературе. АА часто бывала в находившемся очень близко от нас Доме писателя им. Маяковского, и к ней приходили многие из писателей и людей искусства. Все вокруг было еще очень фронтное, писатели ходили в

военной форме, писательский клуб казался полувоенным учреждением, и статная фигура Анны Андреевны там очень выделялась. Она нас много расспрашивала о нашей жизни и о блокадном Ленинграде. Мы вспоминали бомбежки и обстрелы, которые и она помнила по началу войны. Казалось даже странным, что все это навсегда кончилось; мы невольно болезненно вздрагивали при звуках салютов нашим победам.

Однажды, придя из Дома писателей, Анна Андреевна рассказала нам, что ее просят назавтра выехать с бригадой писателей в недавно освобожденное Детское Село на празднование Пушкинской годовщины. Попозже вечером должны были прийти к ней за ответом.⁸ Анна Андреевна не сразу решила ехать и выступить.

– Что я скажу? Каким должно быть мое выступление? Как я увижу разрушение города моей юности?! – говорила она моей матери.

Мы все стали уговаривать ее ехать:

– Это страшно, но... Увидеть родное Царское, наконец, возвращенное нам, освобожденное!

– Я бы поехала, – сказала я, – нет, побежала бы, пошла бы пешком, не задумываясь, но ведь туда нужен пропуск. А вы поедете с писателями, с военными на машине, и это не будет так уж страшно и тяжело. Вы ведь будете не одна!

Анна Андреевна сравнительно легко дала себя уговорить.

Стали составлять примерный текст будущего выступления.

– Но я же не оратор, я не умею говорить речи... Я поэт и могу читать свои стихи... – смущенно заметила Анна Андреевна, чуть улыбаясь.

– Ничего, ничего, – зашумели мы все за столом, – вступительные фразы общими усилиями придумаем...

Все стали предлагать, как сделать самое трудное – начало. Самая эрудированная из присутствующих – моя мать подсказала Анне Андреевне несколько вариантов начала. Анна Андреевна попросила карандаш, подумала, записала. Потом приостановилась, сделала вставку и записала на обороте. Роза Шейн заточила второй карандаш и приготовилась помогать Анне Андреевне записывать. Вдруг карандаш АА перестал писать. Заточили его снова. Анна Андреевна попробовала его: карандаш был мягкий, жирный. На листках, лежащих передо мной, несколько фраз написаны рукой Анны Андреевны (экспертиза

ЦГАЛИ <ныне РГАЛИ. – О. Р.> это подтверждает). Одна фраза написана рукой Р. Г. Шейн.

Вот текст выступления (по сохранившимся черновикам, которые находятся в ЦГАЛИ <ныне РГАЛИ. – О. Р.>, куда я их передала)⁹:

ТОВАРИЩИ!

СЕГОДНЯ МЫ
ПРАЗДНУЕМ СВЕТЛУЮ
ГОДОВЩИНУ ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
ПОЭТА

/и великого/¹⁰

Празднуем мы ее
в том месте,
про которое сам
Пушкин сказал:
«Отечество нам

Царское Село».

Пушкин всегда считал
Ц.С. парк достойным
памятником
русской военной славы
и в целом ряде стих(отворений)¹¹
говорил об этом. Для него
навсегда остались
священными

«Царскосельские

Вставка на обороте

И В ТОМ ГОДУ, КОТОРЫЙ
ПРИНЕС ДОЛГОЖДАННОЕ
ОСВОБОЖДЕНИЕ (Рука Анны
Андреевны Ахматовой)

хранительные сени».

Такими они были,
есть и будут для нас.

«Смуглый...»

(проба карандаша)

Судя по черновику, Анна Андреевна предполагала закончить свое краткое выступление чтением своего стихотворения, хорошо нам всем известного и очень любимого всеми царскоселами:

Смуглый отрок бродил по аллеям...

Читала ли она фронтовикам еще что-либо, я не знаю. Об этом надо спросить тех, кто был с ней в поездке.¹² Так встретила Анна Андреевна Ахматова день рождения Пушкина¹³ в городе его и своего детства, /вскоре/ еще до войны¹⁴ получившем имя поэта, в освобожденном Детском Селе (г. Пушкине).¹⁵

Разрушения в городе и парках тяжело подействовали на Анну Андреевну. Она вернулась в Ленинград после выступления сама не своя.¹⁶

В «Листках из дневника», хранящихся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (рукописный отдел) <с 1992 года РНБ. – О. Р.>, Анна Андреевна пишет, что в тот период она сначала не писала стихов, а написала три прозаических очерка, в том числе «Три сирени» (поездка в Пушкин в июне 1944 года).¹⁷ К сожалению, ни один из этих очерков не сохранился.¹⁸

Позднее, в том же 1944 году Ахматова написала и стихи о разрушенном городе своей юности.¹⁹

Рассказывая нам о своей поездке, она очень скупно говорила о невозвратно погибшем. Особенно жалела она взорванную Белую башню – старый ориентир Царского Села.²⁰

Неизгладимые впечатления от поездки в какой-то мере отражены в ее стихотворении «Городу Пушкина», опубликованном в журнале «Ленинград»²¹ и – в позднейшем, измененном варианте – в сборнике «Стихотворения» (1958, Москва, с. 65), с эпиграфом:

И царкосельские хранительные сени...

Пушкин

Что делать мне?²² Они тебя сожгли,
О, встреча, что разлуки тяжелее...
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

1944.²³

В первом варианте этого стихотворения было:

Мой городок игрушечный сожгли...²⁴

Существуют в одном из стихотворений Ахматовой, которое она читала нам, и такие строки:

Как пусто в небе на месте упавшей башни
Как пусто в доме, куда не вернулся сын,

где Анна Андреевна говорит о разрушенной почти до основания Белой башне.²⁵

Анна Андреевна прожила у нас, на набережной Кутузова, несколько месяцев. Ближе к осени вернулась Ирина Пунина с дочкой, комнату Анны Андреевны в Фонтанном Доме привели в порядок,²⁶ кое-как собрали вещи, растасканные по соседям. Друзья, которым были при отъезде Анны Андреевны в эвакуацию оставлены некоторые мелкие вещи (судейкинский фарфор) и книги, вернули их без особых затруднений (хотя в те времена это случалось не всегда). Комната Анны Андреевны приобрела жилой вид, и можно было переезжать. Не хватало только кровати, т. к. диван, на котором спала А.А. до войны, оказался сожженным. Но из этого положения вышли просто: взяли железную кровать, на которой Анна Андреевна спала у Рыбаковых, и перевезли на Фонтанку, вместе с покрывалом, старой парчовой портьерой и прочим необходимым «реквизитом».

И вот Анна Андреевна вернулась к месту своей «довоенной прописки».

На набережной Кутузова наступила тишина, вступила в свои права поздняя осень, мы стали топить печи. О пребывании Анны Андреевны под нашей крышей только вспоминали. Иногда она приходила в гости, одна или с маленькой Анечкой Каминской²⁷, дочкой Ирины Пуниной, весело игравшей с моей дочкой. Анна Андреевна, как и раньше, садилась в свое привычное кресло направо от Л. Я. Рыбаковой и, слегка оборотившись к ней, читала стихи. Это кресло всегда считалось креслом Ахматовой: кроме моего покойного отца и Анны Андреевны на это место никто не садился. А АА всегда сидела в нем, начиная с зимы 1924 года, когда она начала бывать у моих родителей. До войны вокруг стола стояли не кресла, а стулья, проданные и променянные в блокаду.

Кроме чтения стихов, были и длинные, душевные разговоры о литературе, о пушкинских работах Анны Андреевны, о многом.

Вспоминали старых друзей. О поездке в Детское Село (Пушкин) никогда не говорили. Анне Андреевне было больно вспоминать, а она не любила говорить о неприятном.

Все это почти забылось, и я долго припоминала прошедшее, глядя на исписанные карандашом пожелтевшие листочки.

II. Анна Андреевна Ахматова в Детском Селе в 1920-е годы

Передо мной три фотографии из моей «Ахматовской папки».

Первая фотография:

Анна Андреевна стоит, одетая в зимнее пальто с меховым стоячим воротником и шляпку с маленькими полями, у дверей одной из квартир в полуциркуле Екатерининского дворца, держась рукой за ручку двери. На цокольной плите колонн сидит старушка в платке – видимо, местная жительница.

Вторая фотография:

Анна Андреевна, в том же пальто и той же шляпке с черной лентой, задумчиво сидит на железной скамейке, столь характерной для старого Екатерининского парка, под огромным дуплистым и сучковатым деревом. Поздняя осень, у ног Анны Андреевны опавшие листья, позади дерева виден пруд, полуоблетевшие деревья на другом его берегу, серповидный перешеек, разделяющий пруд на две части, и статуя в центре пруда. Это Ахилл с телом Патрокла, бронза. Статуя похищена фашистскими оккупантами, а пруд переделан после по старинным чертежам под XVIII век; старые липы, отжившие свой век, ныне вырублены.

Третья фотография:

Анна Андреевна в том же пальто, но с откинутым воротником, сидит на диване, обитом светлым кретоном с крупными цветами. Рядом овальный стол, покрытый ковровым платком, на нем лежат книги, среди них какой-то том из серии «Иностранная литература» под редакцией М. Горького.

Где и когда были сняты эти фотографии? Установить это нетрудно. Ясно, что это Детское Село, нынешний Пушкин.

Дверь в полуциркуле – это дверь в квартиру № 1 правого полуциркуля Екатерининского дворца (вторая дверь от ворот на площадь – парадный двор дворца). Ныне в этом помещении располага-

ются приемные комнаты дирекции дворцов и парков г. Пушкина. В начале двадцатых годов квартиры в полуциркуле были заняты жильцами, зимогорами²⁸ и местными жителями. Там с 1925 года по 1930 жила летом семья Рыбаковых, сохраняя эту квартиру за собой осенью, зимой и весной, словом, круглый год, для приездов по субботам и воскресеньям. Старушка у дверей – домработница тетя Паша, постоянно жившая там. Анна Андреевна жила в этой квартире осенью 1925 года, когда семья Рыбаковых уезжала в Крым. На фотографии у дверей в полуциркуле имеется пометка ее рукой: «Царское Село. 1925».²⁹ Анна (Аня) Каминская вспоминает, что Анна Андреевна говорила ей, что она жила «у Рыбаковых в Царском» еще и осенью того года, когда произошло крымское землетрясение, а Рыбаковы находились в Крыму, в Гурзуфе,³⁰ и все о них беспокоились.³¹

Фотографировал Анну Андреевну, кажется, Павел Лукницкий.³² Во всяком случае, так она говорила Лидии Яковлевне Рыбаковой. В тот же период была снята фотография в Екатерининском парке, где Анна Андреевна очень мало похожа на себя.³³

В тот же период была снята известная фотография: “У лицейской арки” (Всесоюзный Музей А. С. Пушкина).³⁴

Фотография в комнате квартиры Рыбаковых изображает Анну Андреевну в пальто – наверно, было холодно, печи еще не начали топить, или они плохо нагревали старинное здание, а осень была уже поздняя: конец сентября – начало октября. Мебель в комнатах, которая видна на фотографии, была взята напрокат в дворцовом управлении. Я хорошо помню, хотя была в то время десятилетней девочкой, резные ореховые диван и кресла, покрытые белым кретоном с большими серо-голубыми цветами.

Помню, что в тот период и несколько позже в бывших дворцовых помещениях жило много людей, близких к литературе и искусству.³⁵ Так, Константин Федин жил в Зубовском флигеле дворца.³⁶ Евгений Замятин с женой – в левом полуциркуле.³⁷ Там же жил художник-карикатурист Николай Радлов с женой, тоже художницей.³⁸ Алексей Толстой приехал в Детское Село несколько позже.³⁹ Вячеслава Шишкова я почти не помню. В 1925-м, видимо, его еще не было в Детском.⁴⁰ Знаменитый певец Ершов с женой, певицей Акимовой, и сыном, будущим художником, жили в доме учителя Лицея Теппера (в домике Вырубовой, как мы его тогда называли),⁴¹ где теперь пуш-

кинский ЗАГС. Художник Петров-Водкин с женой и дочкой жили во втором или третьем этаже Лицея⁴², разделенного тогда на квартиры.⁴³ Там же жили журналист Гросс (много писавший о Детском Селе и детскоселах в 30-х годах) с женой Палладой Олимпиаевной Богдановой (малоталантливой поэтессой, которую А. А. Ахматова знавала еще по «Бродячей собаке»).⁴⁴ В верхнем этаже Лицея в маленькой каморке одно лето жила художник и поэт Елена Данько.⁴⁵ На Средней улице (Коммунарков) в конце, ближайшем к прудам, жили Шапорины (композитор и его жена – художница Любовь Васильевна Яковлева-Шапорина,⁴⁶ большой друг Анны Андреевны и Нат. Вас. Крандиевской-Толстой.⁴⁷ В полуциркуль только что переехал с ул. Революции художник А. Я. Головин.⁴⁸ Где-то поблизости жила Ольга Форш.⁴⁹ Так как во время пребывания Анны Андреевны в Детском Селе в 1925 и 1926 годах я оба раза отсутствовала (была с родителями в Крыму),⁵⁰ то у меня лично никаких конкретных воспоминаний об этом периоде не сохранилось, но я знаю, что Анна Андреевна была довольна жизнью в нашей дачной квартире – это я знаю со слов моей матери Лидии Яковлевны Рыбаковой и старушки Паши-домработницы. Зато я хорошо помню, как Анна Андреевна приходила к нам в Ленинграде зимою 1924 года и в последующие годы. Помню, как она зябко куталась в свою шаль (в квартире всегда было недостаточно тепло), как показывала акробатические упражнения, ловко подтянув длинное черное платье. Есть очень похожий полукарикатурный рисунок художника Альтмана, правда, относящийся к более раннему времени, где Анна Андреевна изображена в акробатической позе.⁵¹ Помню, как она читала свои стихи моим родителям, всегда очень немного за один раз. Воспоминания об осени в Царском Селе Анна Андреевна сохранила хорошие и впоследствии подарила мне фотографию с «няней Пашей» со своей пометкой на обороте.

Фотографию «На диване» мой отец получил от Анны Андреевны и всегда бережно носил в своем бумажнике. У Анны Андреевны в альбоме этой фотографии не было – видимо, в те давние времена она отдала ему единственный свой экземпляр. Сохранились ли негативы у Лукницкого, мне неизвестно. Пока что все, кто имеет эти снимки, располагают лишь экземплярами, переснятыми с моих оригиналов.⁵²

Для суперобложки одной из книг А. А. Ахматовой уже после ее

смерти был использован тот самый любимый снимок моего отца, о котором я писала выше («На диване»)⁵³

Гор. Пушкин
5 августа 1974 года
<Подпись>
Ольга Иосифовна Рыбакова
Ленинград, наб. Кутузова, д. 12, кв. 5.
Окончательная редакция 10/IV–1976 года.⁵⁴

¹ Воспоминания О. И. Рыбаковой (машинопись с рукописной авторской правкой) состоят из двух частей, обе из которых связаны с Детским (Царским) Селом. Название первой части, посвященной событиям 1944, оформлено как заголовок ко всему тексту; часть II идет с заголовком более мелким шрифтом: «Анна Андреевна Ахматова в Детском Селе в 1920-е годы». Место хранения воспоминаний: ОР РНБ, ф. 1448 (Фонд С. К. Островской и С. Н. Драницына), ед. хр. 177. Другой экземпляр авторизованной машинописи: РГАЛИ, ф. 13 (Фонд А. А. Ахматовой), оп. 2, ед. хр. 7. За возможность работать с документом благодарю сотрудниц ОР РНБ Наталью Николаевну Невзорову и Наталью Ивановну Крайневу, за помощь в ходе подготовки его к печати моя глубокая благодарность Жозефине Борисовне Рыбаковой, Елене Юрьевне Виленской, Глебу Михайловичу Вержбинскому, Татьяне Васильевне Скраган, Анне Генриховне Каминской, Роману Давидовичу Тименчику, Марине Юрьевне Любимовой, Ирине Геннадьевне Ивановой, Светлане Владимировне Прасоловой, Наталье Петровне Пакшиной.

Большие фрагменты этих воспоминаний опубликованы в изд.: Царское Село Анны Ахматовой: Адреса. События. Люди. Литературно-историческая экскурсия с Сергеем Сениным. СПб., 2009. С. 167–168, 175–176. Однако целиком рассказ О. И. Рыбаковой публикуется впервые. Текст приведен в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Стилистические его особенности сохранены, грамматические ошибки исправлены в исключительных случаях.

На первом листе машинописи, хранящейся в ОР РНБ, – автограф мемуаристики: «Софии Казимировне / Островской / от “Оли Рыбаковой” / на день / рождения / (настоящий) / 27–9 апреля / 1976 г.». Имеется в виду 27 марта по старому стилю, 9 апреля по новому стилю. В дневнике Островской несколько раз упоминается день ее рождения, это всегда 27 марта по новому стилю; вот блокадная запись (от 27 марта 1942): «День моего рождения. Мама со вчерашнего дня настроена празднично и хорошо...» (*Островская С. К. Дневник / Вступ. ст. Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 320. См. также: С. 501 и 589*). 9 апреля о дне рождения в дневнике не говорится (см. Там же. С. 504, запись от 9 апреля 1944). Об Островской см.: с. 346–350, 353–354 наст. изд.

² Подробно о Рыбаковых, о дружбе с ними Ахматовой и о жизни в их доме с 1 июня по конец августа 1944, см.: с. 213–297 наст. изд.

³ О том, действительно ли Ахматовой в 1944 предлагали жилье в Москве, сведений у автора комментария нет.

⁴ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Моя мать – Лидия Яковлевна Рыбакова (1885–1953), приятельница АА, филолог и историк по образованию, знавшая 5 языков, медицинская сестра военного времени, проводшая в Ленинграде всю блокаду, примерно ровесница АА, лет на 5 ее старше».

⁵ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Только что вернувшаяся из эвакуации (В<ерхняя> Салда и

Подольск) инженер Металлического завода Роза Глебовна Шейн, временно жившая с нами». По словам Ж. Б. Рыбаковой, Р. Г. Шейн жила у Рыбаковых долго, возможно, около двух лет («Точно не помню, сколько, я была маленькой»). Впоследствии О. И. Рыбакова и Р. Г. Шейн не общались.

Роза Глебовна (по паспорту Розалия Гилемовна) Шейн (1912–1983), познакомившаяся с Ахматовой в 1944 в доме Рыбаковых, продолжала видаться с ней до конца ее жизни. А. Г. Каминская: «У Анны Андреевны с Розой Глебовной установились дружеские отношения. Роза Глебовна изредка приходила к нам». Р. Г. Шейн более десяти раз упомянута в ахматовских записных книжках (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996): в списке тех, кто был в больнице, кто придет, кому позвонить, кому подарить «Бег времени» (с. 573, 633), кому – рукопись «Поэмы без героя» и «Реквиема» (с. 314); Розе – чулки из Италии (с. 574).

По сообщению сестры Р. Г. Шейн – Беллы Глебовны Виленской, в семейном архиве существовал экземпляр «Бега времени» с дарственной надписью Ахматовой Розе Глебовне (беседа О. Е. Рубинчик с Б. Г. Виленской, 1 октября 2008); к сожалению, местонахождение этого экземпляра на сегодняшний день неизвестно. По свидетельству сына Р. Г. Шейн Г. М. Вержбинского, надпись на «Беге времени» гласила: «Розе, au jour des rois» («в день королей» (фр.), т. е. в день королей-волхвов, поклоняющихся младенцу Христу). Слова «Le jour des rois» стоят перед «Третьим и последним» посвящением в «Поэме без героя» и пояснены в примечании самой Ахматовой («Примечания редактора»): «“Le jour des rois” – канун Крещенья: 5 января». Речь идет о католическом Крещенье. Г. М. Вержбинский сообщил, что в семье существовал также сборник Ахматовой «Стихотворения» (М., 1961) с дарственной надписью Розе Глебовне, но его отобрали сотрудники таможни при попытке вывезти книгу за рубеж.

Дочь Б. Г. Виленской Е. Ю. Виленская предоставила автору данного комментария возможность ознакомиться с хранившимися у Р. Г. Шейн ахматовскими автографами и другими материалами.

На оттиске статьи «“Каменный гость” Пушкина» (Пушкин. Исследования и материалы: Т. II. М.; Л., 1958) – незавершенный инскрипт: «Милому / Корнею Ивановичу / Чуковскому / на стро» (видимо, «на строгий суд»).

На листе бумаги – имитирующая оформление книжной обложки карандашная надпись Ахматовой: «Стихотворения / Арсения Тарковский / <горизонтальная «петля» – характерный ахматовский знак, который она нередко ставила в конце произведения> // <внизу, полукругом:> Москв<a> / 1961 г.>. Под «обложкой» – «титальный лист», на котором Тарковским сделана карандашная надпись: «Арсений Тарковский / Стихотворения 1960. / <росчерк>», далее – страницы с переписанными рукой Тарковского стихами, созданными в марте–сентябре 1960 (черные чернила; в стихотворении «Когда б на роду мне написано было...») Ахматова синими чернилами вписала пропущенное слово «мамка»). Об этой рукописной «книжечке» Тарковского см.: Ардов М. Монография о графомане. М., 2004. С. 188–189. Арсения Александровича Тарковского (1907–1989), первый сборник стихов которого вышел только в 1962, Ахматова считала одним из лучших современных поэтов. Ср. запись Л. К. Чуковской от 23 октября 1960: Ахматова «прочла мне вслух “дивные”, по ее словам, “божественные” стихи Тарковского “Давно мои ранние годы прошли <...>” – Я всегда думала, – сказала Анна Андреевна, – что советская поэзия – великое чудо... Тарковский <...> дивный поэт. Может быть и хорошо, что его не печатают. Он прочно отделен от читателя, и читатель ничего из него не выдразнивает – как выдразнивал, например, из Пастернака в последние годы. Таким образом, и непечатание идет поэту на пользу» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 3. С. 430–431). В подборке стихов Тарковского из архива Р. Г. Шейн есть и стихотворение «Давно мои ранние годы прошли...».

Также у Р. Г. Шейн хранилось изд.: Гораций. Оды / Пер. Н. И. Шатерников; коммент.

Ф. А. Петровский. М., 1935 – с дарственной надписью переводчика «высокочитимому поэту Анне Андреевне Ахматовой». По-видимому, книга была передана ему Р. Г. Шейн.

Е. Ю. Виленская подарила Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме ахматовскую телеграмму, адресованную Р. Г. Шейн (Шайн): «= МИЛЮЮ РОЗУ ПОЗДРАВЛЯЮ С ЕЕ СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ = АХМАТОВА =». Телеграмма была послана в июне 1959, но не 12-го, в день рождения Р. Г. Шейн, а 25-го.

По свидетельству Б. Г. Виленской и Моше Гончарока (дальнего родственника сестер), Роза Глебовна была в числе немногих людей из окружения Ахматовой, кого она познакомила с «Реквиемом» и кто заучил наизусть куски текста ради сохранения произведения, рукописи которого хранить было слишком опасно (*Гончарок М. Тетя Уля // Семь искусств. 2015. № 11 (68). [Электронный ресурс]. URL: http://7iskusstv.com/2015/Nomer11/Goncharok1.php* Ср. рассказ Л. К. Чуковской о способе сохранения частей «Реквиема» в конце 1930-х, когда он создавался: опасаясь прослушивающего устройства, Ахматова «исписывала почками быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала стихи и, запомнив, возвращала их ей. “Нынче такая ранняя осень”, – громко говорила Анна Андреевна и, чиркнув спичкой, сжигала бумагу над пепельницей» (*Чуковская Л. К. Вместо предисловия // Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 13*). А в 1962, когда Ахматова позволила «Реквиему» выйти в самиздат, Чуковская записала ее слова: «“Реквием” знали наизусть 11 человек, и никто меня не предал» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 536. Запись от 30 октября 1962*). Одиннадцать – условное число; ср.: «Раньше я от нее слышала: семеро» (Там же). О тех, кто знал или мог знать «Реквием», см. «Часть третья. 11 человек» в книге: *Попова Н. И., Позднякова Т. С. «В том доме было...»*. СПб., 2019. С. 200–267.

М. Гончарок о характере Розы Глебовны (тети Ули): «Помню старуху в черном платье и с клюкой, громко проклиная французски советскую власть. Именовала она ее с идишским корнем – махтунья. Власть она ненавидела просто безбожно. <...> При всем при этом она неодобрительно отзывалась о моем слушанье “Радио Свобода” и “Свободная Европа”. Надо слушать Би-би-си, американцев или, в крайнем случае, “Немецкую волну”, они куда объективнее, – вполголоса, со значением говорила она, оглушительно стуча палкой по полу <...> Мне было десять лет, или двенадцать, или семнадцать, когда она приходила в наш дом. Я трепетал ее. Она была для меня осколком великой эпохи» (*Гончарок М. Тетя Уля*).

Сестра Р. Г. Шейн также была знакома с Ахматовой. Белла Глебовна (по паспорту Белла Гилевна) Виленская (урожд. Шейн, 1920–2013) – инженер, химик-фототехнолог. Закончила Институт киноинженеров. Знакомство ее с Ахматовой произошло до войны. Она училась в школе вместе с И. Н. Пуниной и бывала у Пуниных на Фонтанке, 34. Тогда Белла Глебовна «не очень представляла себе эту фигуру». Она запомнила, как увидела Ахматову впервые: «Анна Андреевна вошла в комнату и спросила: “Ирочка, есть у нас что-нибудь к чаю?” Ира уже тогда была главой дома. Ее мама, Анна Евгеньевна Арнс, жила там же, но старалась дома поменьше бывать, брала много работы». После окончания школы Белла Глебовна Ахматову не встретила.

⁶ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Автор этих воспоминаний Ольга Иосифовна Рыбакова, инженер того же завода, но в эвакуацию не ездившая, а работавшая во время войны в Ленинграде, в жилищной системе. Впоследствии вернулась на Ленинградский металлургический завод».

⁷ Речь идет о сыне Р. Г. Шейн и математика Михаила Львовича Вержбинского (1909–1962), в будущем также математике Глебе Михайловиче Вержбинском (род. в 1937), ныне живущем в США. Из воспоминаний его единокровной сестры Н. М. Вержбинской-Рабинович: «...расстались они с матерью <...> Глеба в 1938 году, когда ребенку было менее года»; «...брак был очень недолгим, и его жена Роза после рождения ребенка ушла из квартиры на улице Чайковского, оставив маленького сына на попечение свекрови и золовок. Через какое-то время она забрала Глеба к себе, но на протяжении всего детства (и после войны тоже) он очень часто бывал <...> на улице Чайковского» (*Вержбинская-Рабинович Н. Мой отец Михаил Львович Вержбинский // Михаил Львович Вержбинский. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mathsoc.spb.ru/pers/*

verzhbinskii/). Ответы Глеба Михайловича Вержбинского на вопросы составителя данного комментария: «Я уехал в эвакуацию с матерью на Урал, в Верхнюю Салду. Мы снимали там угол. В один прекрасный, кстати, очень морозный день мы с Розой Глебовной вернулись домой – она с работы, я из детского сада – и обнаружили все наши вещи выброшенными на улицу. Причина: “Жидов не держим”. Через некоторое время мать отправила меня в Кировскую область в детский дом, которым заведовала ее родственница Берта Раскина. Вернулся я в Ленинград вместе с детским домом летом 1945 года. В сентябре я пошел в первый класс. Я точно пошел в школу, еще живя у Рыбаковых, потому что моя первая школа была на набережной. Потом, когда мы получили комнату на Басковом, меня перевели в школу на Кирочной, но когда это было, я не помню»; «...я помню Анну Ахматову очень хорошо. Тогда меня стихи не интересовали, поэтому я помню только ее царственный облик и ее слова, которые мне мама передала: о том, что Глеб (это я) самый красивый мужчина на ее памяти» (из электронных писем Г. М. Вержбинского к Т. В. Скраган).

⁸ Ср. фрагмент главы «Анна Андреевна Ахматова» в воспоминаниях литературоведа В. А. Мануйлова: «1 июня 1944 года Ахматова вернулась в Ленинград. 5 июня я посетил Анну Андреевну на набережной Кутузова <...> По поручению Ленинградского обкома партии я передал Анне Андреевне приглашение принять участие в радиомитинге, посвященном 145-летней годовщине со дня рождения Пушкина. Ахматова согласилась» (*Мануйлов В. А. Из «Записок счастливого человека» // Русская литература. 1994. № 3. С. 173*). Радиомитинг состоялся 11 июня.

⁹ РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 85. Выступление на митинге в связи с освобождением г. Пушкина. Набросок. 1944 г. 2 л. Впервые текст выступления с небольшими расхождениями по сравнению с черновиком был воспроизведен в составе статьи В. Мануйлова «Мы шли к победе вместе с Пушкиным» в журнале «Нева» (1971. № 6. С. 190).

¹⁰ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Зачеркнуто рукой Анны Андреевны Ахматовой тем же жирным карандашом».

¹¹ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Написано – «стих.».

¹² Свидетельство Мануйлова: «С кратким словом выступила Ахматова. “Сегодня, – сказала Анна Андреевна, – мы празднуем светлую годовщину дня рождения великого поэта. <...> В заключение Анна Андреевна прочла свои известные стихи о Пушкине в Царском Селе: “Смуглый отрок бродил по аллеям...”» (*Мануйлов В. А. Из «Записок счастливого человека»*. С. 175).

¹³ «В воскресенье, 11 июня, в город Пушкин выехали представители Союза советских писателей, Института литературы Академии наук СССР, Пушкинского общества, Радиокomiteта и других организаций. В городе, разрушенном немецкими захватчиками, мало сохранилось зданий, где можно было бы провести многолюдное собрание. Но пушкинский Дом культуры, очищенный от мусора, был приведен в порядок. К двум часам дня участники митинга собрались в большом зале Дома культуры, убранном цветами. Накапывал теплый летний дождик, в открытые окна доносился запах свежей зелени и цветущей сирени. Вдалеке слышались взрывы – это обезвреживались обнаруженные саперами вражеские мины» (Там же. С. 173). Мануйлов перечисляет выступавших, цитируя или пересказывая их речи, рассказывает о концерте, состоявшемся после выступлений и также транслировавшемся по радио. Принимавшая участие в митинге поэтесса В. М. Инбер на следующий день записала в дневнике: «Вчера был и радиомитинг в Пушкине (145 лет со дня рождения). Митинг происходил в Доме культуры, бывшей ратуше, как сказала мне Ахматова. Подымаясь по лестнице, она добавила: “Сколько раз я танцевала здесь”» (*Инбер В. М. Страницы дней перебирания*. М., 1967. С. 230).

¹⁴ Рукой О. И. Рыбаковой «вскоре» зачеркнуто, вписано: «еще до войны».

¹⁵ Детское Село было переименовано в г. Пушкин в феврале 1937, к столетней годовщине гибели поэта.

¹⁶ Мануйлов: «Из поездки Анна Андреевна вернулась глубоко потрясенная свиданием с разрушенным дорогим ей городом. Горевала о срубленных в Екатерининском парке могу-

чих липах, о взорванной Белой башне» (*Мануйлов В. А.* Из «Записок счастливого человека». С. 176).

¹⁷ «В первый раз я написала несколько страничек прозой в 1944, вернувшись из Ташкента. Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я не удержалась и описала эту мою с ним встречу...»; «Когда я вернулась (1 июня 1944) в Ленинград, мне хотелось писать только прозу. Три очерка: “Послеблокадный Ленинград”, “Три сирени” (поездка в Пушкин в июне 1944) и “Териоки в июле”» (цит. по: *Мандрыкина Л. А.* Ненаписанная книга. «Листки из дневника» А. А. Ахматовой // Книги. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 61, 69; ахматовская запись о прозе 1944 не является частью воспоминаний об О. Э. Мандельштаме, носящих название «Листки из дневника»). Вариант заглавия текста о Териоках – «В гостях у смерти»: «...о чтении стихов на фронте в Териоках» (*Ахматова А. А.* Коротко о себе // Ахматова А. А. Соч. В 2 т. / Вступ. ст. Э. Г. Герштейн; сост., подгот. текста, коммент. Э. Г. Герштейн, В. Я. Виленкина, Л. А. Мандрыкиной, В. А. Черных, Н. Н. Глен. М., 1990. Т. 2. С. 269).

¹⁸ В 1949, «после ареста сына сожгла вместе со всем архивом» (Там же).

¹⁹ Имеется в виду первое стихотворение из цикла «Городу Пушкина». О нем О. И. Рыбакова пишет далее.

²⁰ Белая башня высотой около 38 метров была построена в 1821–1827 архитектором А. Менеласом в виде средневекового рыцарского замка – как доминанта Александровского парка, со смотровой площадкой наверху. Предназначалась для занятий и игр детей Николая I. Во время Великой Отечественной войны нацисты превратили ее в наблюдательный пост. Почти полностью разрушенная в ходе войны, она десятилетия оставалась руиной. Была восстановлена в 2010-е (*Семенова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009. С. 111–113 и др. источники). Белая башня упоминается в сохранившейся во фрагментах поэме Ахматовой «Русский Трианон» – в воспоминаниях о Первой мировой войне: «На Белой башне дремлет пулемет...».

²¹ Ошибка памяти. Стихотворение «Городу Пушкина» впервые опубликовано в журнале «Звезда» (1946. № 1. С. 72).

²² У Ахматовой: «О, горе мне! Они тебя сожгли...».

²³ В авторском перечне стихотворений (ОР РНБ) дата: 8 ноября 1945 (*Ахматова А. А.* Соч. / Вступ. ст. М. Дудина; сост., подгот. текста, коммент. В. А. Черных. Т. 1. С. 445). Эпиграф – из стихотворения Пушкина «Чадаеву».

²⁴ Первый вариант (напечатанный в «Звезде»):

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На масленой – блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

²⁵ Строки из стихотворения «Мои молодые руки...» (1940), написанного до разрушения Белой башни:

Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

²⁶ Из воспоминаний И. Н. Пуниной: «...после почти двух лет, проведенных в Самаркан-

де, в начале нашего длинного пути в Ленинград. В середине января 1944 г. <...> на Самаркандский вокзал подали эшелон для эвакуации Академии художеств. Уезжали мы – я, папа, Малайка <А. Г. Каминская. – О. Р.> – уже без Гали <домашнее имя А. Е. Аренс. – О. Р.>. Она скончалась <...> в 1943 году <...> нас привезли в Подмоскowie – в Троице-Сергиеву Лавру, в Загорск <...> и только в июле, наконец, нам дали эшелон. 19 июля вместе с Академией художеств мы прибыли в Ленинград <...> Около нашей ограды маячит фигура. Подходим к воротам – Акума <домашнее имя Ахматовой. – О. Р.>! “Здравствуйте, я здесь случайно, живу у Рыбаковых, в этом доме жить никогда не буду. Это тебе, Аничка”. Дает Малайке маленький букетик цветов. “До свидания”. <...> Поднимаемся к нашим дверям, они опечатаны. <...> Я бегу разыскивать управдома – Татьяну Андреевну Пересветову. <...> Она сняла пломбы с опечатанной квартиры <...> Пересветова объяснила, что комнату Смирновых (бывшую столовую) и комнату, где перед войной жила Акума, во время блокады занял бухгалтер Арктического института и вскоре умер. Там оставались его вещи, а с наших двух комнат она сняла печати в нашем присутствии». Имущество Пуниных сохранилось. «К концу июля нам удалось освоить среднюю комнату. Заделали окна, где остатками стекол, где фанерой. За водой еще долго ходили на парадный двор набережной Фонтанки, там был большой общий кран, электричество подключили. <...> Достать дрова было невозможно <...>. Акума живет у Рыбаковых, там она хорошо устроена. <...> Папа часто заходил к ней. Нашей жизнью она интересовалась, навещала нас, но переезжать не собиралась. Неожиданно в августе она пришла к нам и сказала папе, что возвращается в нашу квартиру: ее не прописали у Рыбаковых, т. к. там будто бы “правительственная трасса”. После переговоров с Т. А. Пересветовой комнаты распечатали, вещи бухгалтера перенесли в бывшую столовую, а освободившуюся комнату, бывшую детскую, заняла Акума. Вскоре прислали маляров, принесли телефонный аппарат и ордер на дрова. Георгий Пантелеймонович <Макогоненко, литературовед, муж О. Ф. Берггольц – О. Р.> руководил всем. Очень трудно было достать стекла, но он их привез. Много позже он рассказывал, что добыл их в Публичной библиотеке. Там оказалось много портретов “классиков”, застекленные, они хранились в подвалах. <...> В конце августа Акума переехала к нам на Фонтанку... <...> Постепенно жизнь налаживалась» (*Пунина И. Н.* В годы войны // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева. М.: СПб., 2006. С. 15–19. См. также: *Макогоненко Г. П.* ...Из третьей эпохи воспоминаний // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралина. Л., 1990. С. 265–266).

²⁷ А. Г. Каминская о себе маленькой (из телефонного разговора с автором комментариев, 10 марта 2020): «Я была целиком брошена на Анну Андреевну. Все работали, она одна была дома. Она меня провожала в школу, особенно в первом классе. Через Невский надо было переходить. А кто встречал, не помню. Я ходила очень часто с Анной Андреевной к Лидии Яковлевне Рыбаковой, к Лидии Яковлевне Гинзбург <...> К Лотте Хай <...> Акума любила бывать у кого-то. Не только из своих интересов, ради бесед: в гостях нас подкармливали, она брала меня, чтобы меня подкормить».

²⁸ Здесь: те, кто зимовал на своих дачах, жил там круглый год.

²⁹ Ошибка памяти Ахматовой: Анна Андреевна считала, что жила у Рыбаковых в 1925. Вслед за ней так же считала и О. И. Рыбакова, воспоминания которой написаны в 1974, почти через пятьдесят лет после событий. Из поздних дневниковых записей Ахматовой: «В полуциркуле Боль<шого> дворца. Осень 1925 (1 месяц). (см. фотогр<афию>). 1925 (в кварт<ире> Рыбаковых)»; «У Рыбаковых в полуциркуле Большого дворца. (См. фотографии.) 25 <год>, 1 мес<яц>» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 132, 586). Однако не всегда она была уверена в этой дате. Ср.: «Царское Село. Полуциркуль Больш<ого> дворца. Есть фото. (20-е годы). В кварт<ире> Рыбаков<ых>» (Там же. С. 663).

Ахматова жила у Рыбаковых не в 1925, а осенью 1926, приблизительно со двадцатых чисел сентября по конец октября – начало ноября, пока Рыбаковы отдыхали в Крыму (в Алуште). Подробно об этом см.: с. 225–226. изд.

В дневнике «Эккермана» Ахматовой этих лет П. Н. Лукницкого нет никаких сведений о

том, что Ахматова фотографировалась или хотя бы бывала осенью 1925 в Детском Селе, нет таких сведений и у Пунина (см.: *Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой*. В 2 т. Т. 1. Paris, 1991. С. 208–286; *Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма / Сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. М., 2000*). Между тем, в это время ее фотографировали в основном Лукницкий и Пунин. Хронологическая роспись осенних месяцев 1925 показывает, что Ахматова жила тогда в Мраморном и Шереметевском дворцах, данных о ее поездках в этот период в Детское Село нет (*Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966. М., 2016. С. 259–263, 865*). Фотография у дверей квартиры Рыбаковых сделана осенью 1926.

³⁰ Землетрясения в Крыму произошли 26 июня и в ночь с 11 на 12 сентября 1927. Рыбаковы находились на полуострове во время сентябрьского, особенно сильного, землетрясения. Они вернулись домой 6 октября, а 7 октября Ахматова их навестила (*Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой*. В 2 т. Т. 2. Париж; М., 1997. С. 290–291). В их детскосельской квартире Ахматова в 1927 либо не жила, либо жила всего несколько дней. Строки из письма Пунина от 1 сентября 1927 Лукницкому на Кавказ: «Собираемся <с Ахматовой. – О. Р.> с 6 сент<ября> жить в Детском, только очень плохо с деньгами; не знаете ли, у кого можно занять рублей 50 – на Детское...» (Переписка П. Н. Лукницкого и Н. Н. Пунина. 1926–1927 / Публ. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев и А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 304). По-видимому, с 6 сентября на месяц освобождалась квартира Рыбаковых, однако воспользоваться этим Анне Андреевне и Николаю Николаевичу практически не удалось, о чем говорят записи Лукницкого: «Август и сентябрь 1927 г. провела в городе, в Шереметевском доме. Вместе с семьей Пуниных. Раз ездила в Царское Село с Пуниным, кажется, к Рыбаковым. <...> У Пунина и АА – безденежье острое, и поэтому экономят на всем, даже на еде» (*Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. 2. С. 290*).

³¹ Если, в соответствии с воспоминаниями Ольги Иосифовны, Рыбаковы жили в Гурзуфе (т. е. на северо-восточном краю «Большой Ялты»), то во время землетрясения они находились поблизости от его эпицентра, где его сила достигала 9 баллов (очаг землетрясения располагался южнее Ялты, под морским дном, и был вытянут вдоль побережья). Описание события: «В ночь с 11 на 12 сентября 1927 года на крымском побережье творилось что-то странное. Еще вечером жители и курортники заметили необычный закат. Гидролог профессор Петр Двойченко описал его так: “Западная часть неба была охвачена ярким буровато-оранжевым светом <...>. Как будто пылал пожар, яркий свет которого проходил через дымовую завесу. Отблеск от водяной поверхности был такой яркости, что лошадь бросалась в сторону и не хотела проехать близко к воде”. Животные сильно беспокоились. Одни отказывались от корма, другие жалась к хозяевам, третьи, напротив, срывались с привязи и убегали. <...> К ночи тревога передалась и людям. Внезапно вернулись назад моряки, ушедшие на ночной лов. Они рассказывали, что с морем творится неладное – оно “кипит”, хотя погода тихая и волнению взяться не с чего. <...> раздался оглушительный грохот, а потом земля заходила ходуном. <...> Стены домов рушились, обваливались крыши, балконы падали прямо на людей, которые выбегали наружу в поисках спасения. Повсюду слышались крики о помощи и стоны. Но их то и дело заглушали грохот обвалов в горах и рев моря – оно сначала отошло от берега, а потом обрушилось на него огромными волнами. Толпы металась среди руин. Казалось, все сошли с ума – люди выбрасывались из окон или, напротив, впадали в ступор и не могли сдвинуться с места. В Алупке от разрыва сердца умерла женщина. В Ай-Даниле повесился мужчина. Даже люди с крепкими нервами поддались общей истерике. Один из очевидцев, военный врач, прошедший несколько кампаний и награжденный орденом за храбрость, вспоминая ночь на 12 сентября, говорил, что никакие битвы не идут в сравнение с пережитым тогда <...>. Толчки повторялись и повторялись. За 11 часов их произошло 27. Землетрясение продолжалось несколько дней, последние толчки силой 5 баллов ощущались еще 24 сентября. А всего за это время было зарегистрировано более 200 толчков. Панику усугубляли странные огненные вспышки. На мысе Лукулл <в Севастополе. – О. Р.> вспышка была высотой около 500 метров и шириной около

1,8 километра. Ее видели даже из Евпатории. В Феодосии, Севастополе и Судаке также были замечены огненные столбы. Их наблюдали с первого дня землетрясения и до начала октября. Это потом ученые нашли объяснение – возгорание метана, выходящего со дна моря через трещины, образовавшиеся при сейсмических подвижках. А тогда люди не понимали, что происходит, и пугались еще сильнее. Именно этой паникой, а не числом жертв и не количеством разрушений стало знаменито крымское землетрясение 1927.

Урон от землетрясения был таков: трое погибших и 65 раненых. Многие деревни в предгорной и степной части Крыма были превращены в груды развалин. В районе Ялты разрушились 70% построек. Сильно пострадал Симферополь. В Алуште была повреждена Генузская башня, а в Алушке – Воронцовский дворец» (*Молчанов А.* Крымское землетрясение 1927 года // *Летопись: Новости археологии и истории.* 12.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://oursociety.ru/publ/istorija_rossii/krymskoe_zemletrjajsenie_1927_goda/4-1-0-73 См. также: Землетрясение в Крыму: специальный выпуск газеты «Красный Крым». Симферополь, сентябрь 1927 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://handvorec.ru/wp-content/gallery/fondy/gazetazemlyatresenie.jpg> Свидетельство жившего в Гурзуфе Б. Резникова, записи сделаны прямо в ходе землетрясения: «...обвалившимся домом убито двое детей. Есть много раненых. <...> При первом же гуле все спавшее население выбежало из домов, кто в чем был. Поднялся сплошной вопль и массовые истерики женщин. Разбуженные от сна дети тоже подняли плач. Все это способствовало большой панике. Отмечу, кстати, что местные жители были больше объаты паникой и больше кричали, нежели приезжие отдыхающие. Они объясняют это тем, что уже пережили подобные страхи и им теперь вдвойне страшно. Выбежав из домов, а некоторые повыскакав из окон второго этажа, люди бросились к морскому берегу. Но на берегу кто-то крикнул, что может сползти берег и волны смонут людей. Тогда все бросились назад в парк. К этому времени зажглись электрические фонари. Люди оправились немного от первого страха и здесь только многие заметили, что они в одном нижнем белье или вовсе без белья... Одна дама, одетая только в ночную рубашку, крепко зажала в руке столовую вилку <...> Значительно повреждено много зданий, обвалился купол церкви. <...> свалилось с горы несколько домов и пострадала татарская мечеть. <...> утверждали, что ночью возвышающаяся над Гурзуфом гора Аунда превратится в вулкан и извержением всех уничтожит. И уж во всяком случае нужно ожидать трещины в почве, которая легко поглотит все гурзуфское население. <...> В дома, конечно, никто не заходил, все повысыпали в парки и расположились кто как мог на ночь. Чудесный гурзуфский парк сразу превратился в бивуак, очень напоминающий большой цыганский табор» (*Резников Б.* Во власти стихии. Письмо из Крыма, доставленное ввиду порчи ялтинского телеграфа спешной почтой // *Советская Сибирь. Новосибирск.* № 216. 21 сентября 1927. С. 2. Цит. по: Земля ходуном. Очевидцы о крымских землетрясениях 1927 года // *Крымовед.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-almom-2002-8.html#footnote33> В дни землетрясения многие отдыхающие спешно покинули полуостров. Рыбаковы остались.

³² Очевидно, все три названных О. И. Рыбаковой фотографии сделаны осенью 1926. Пуниным. Авторство Пунина указано при их воспроизведении в ряде изданий. Ахматова и домработница Рыбаковых у полциркуля Екатерининского дворца, снимок из собрания А. Г. Каминской с датой «1926» (Царское Село Анны Ахматовой. С. 169, 232). Ахматова на скамье в Екатерининском парке, снимок из собрания А. Г. Каминской с датой «1920-е» (Там же. С. 171, 232; а также с датой «1926» – *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью, вклейка (собрание И. Н. Пуниной); Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. По материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. В 2 ч. / Вступ. ст. и коммент. Л. Копылова, Т. Поздняковой, Н. Поповой; сост. и указ. И. Ивановой, Н. Громовой. 2011–2012. Ч. 1. С. 62–63 (негатив на стекле, поступил в музей от З. Б. Томашевской). Ахматова в детскосельской квартире Рыбаковых, снимок из собрания А. Г. Каминской с датой «1926» (Царское Село Анны Ахматовой. С. 172, 232; переснимок из архива Н. Н. Глен, на обороте подпись рукой Ахматовой: «1925 / Царское Село / Большой дворец» (Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. С. 42–43).

³³ Судя по записи Лукницкого на обороте этой фотографии, она была сделана 29 октября 1926: «29 окт. 1926. Ахматова. На этой скамейке, в Царском Селе Н. С. Гумилев сделал АА первое признание в любви (АА 8 дек. 1933 г.)» (Дарственные надписи А. А. Ахматовой на книгах и фотографиях / Публ. В. А. Шошина // Н. Гумилев и А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 117). Вторая дата означает, что Ахматова подарила эту фотографию Лукницкому 8 декабря 1933, в девятую годовщину их знакомства.

В письме Пунина Ахматовой от 28 июня 1927 из Японии, где он был с выставкой русского искусства, есть строки: «...выпрашивают твои карточки, которые у меня; две уже отдал – у Рыбаковых в гостинной и под липой на Гумилевской скамеечке, другие не могу отдать, обещаю прислать» (Там же. С. 292).

³⁴ Эта дополнительная фраза вписана от руки.

Фотография Ахматовой, сделанная возле Лицея, относится не к осени 1926, а, скорее всего, к февралю 1925. См.: Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. С. 40–41 (фотограф Н. Н. Пунин, негатив на стекле, поступил от З. Б. Томашевской). 18 февраля 1925 Пунин пишет, что этой зимой «снега нет, не было и, наверно, уже не будет», а 21 февраля: «Сегодня был с Ан. в Царском. Третий день, как выпал пушистый, легкий снег, 8° мороза. Солнечно, прозрачное, высокое небо. Царкосельский парк занесен снегом, дорожек почти нет...» (Пунин Н. Н. Мир светел любовью. С. 233–235). На фотографии дорога возле Лицея покрыта тонким слоем снега, на Ахматовой то же пальто и та же шляпка, что на осенних снимках 1926, но другие, более закрытые, туфли. В дневниках Пунина и Лукницкого нет свидетельств того, что они были с Ахматовой в Царском Селе в подобную погоду в другие дни 1925–1926.

К периоду, к которому относятся описанные О. И. Рыбаковой фотографии, т. е. к осени 1926, возможно, принадлежит другой пунинский снимок: Ахматова стоит в Екатерининском парке среди стволов и опавших листьев; пальто, шляпка и туфли на ней те же, что на карточке, сделанной возле полуциркуля Екатерининского дворца и на парковой скамье.

И фотография у Лицея, и фотография среди опавших листьев воспроизведены во всех упоминавшихся изд.: Пунин Н. Н. Мир светел любовью (вклейка); Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. С. 40–41, 60–61; Царское Село Анны Ахматовой. С. 158, 166, 231.

³⁵ Многие имена знакомых и друзей семьи Рыбаковых, упоминаемые далее Ольгой Иосифовной, названы и Ахматовой в ее записных книжках в 1961, в списке «Кто жил в Царском»:

- «...1) Головин (полуциркуль) <...>
- 2) Петров-Водкин (Лицей) <...>
- 11) Шапорины (Средняя, 21 (?) <...>
- 13) А. Н. Толстой. Малая
- 14) Шишков
- 15) Форш (? могила) <...>
- 29) Ершов и Акимова в домике Вырубовой»

(Записные книжки Анны Ахматовой. С. 132–133).

³⁶ Федин оказался связан с Детским Селом раньше, чем стал проводить там летние месяцы: «1926–1928 – <...> начало тесной близости с литературно-художественным “кругом” Детского Села А. Н. Толстого – В. Я. Шишкова»; «Хотя в компаниях, собиравшихся у Толстых и Шишковых, были, разумеется, свои отличия (к Шишкову, “дяде Вяче”, например, неизменно заглядывал кто-то из приезжих сибиряков), выделялся в общем устойчивый круг посетителей обоих домов. К ним принадлежали писатели К. А. Федин, И. С. Соколов-Микитов, Н. Н. Никитин, П. Е. Щеголев, Е. Л. Шварц, художники Н. Э. Радлов, К. С. Петров-Водкин, композиторы Ю. А. Шапорин, Г. Н. Попов, ученый М. А. Сергеев и др.» (Оклянский Ю. М. Федин. М., 1986. С. 348, 155). «В том же городке Толстой нашел квартиру своему приятелю писателю Константину Федину, вернувшемуся из-за границы после лечения от туберкулеза» (Толстая Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 356); «...жить в питерском <...> климате становилось трудно. Временным выходом был переезд в Детское Село, где больного взяла под свое крылышко дружеская “колония” А. Н. Толстого –

В. Я. Шишкова, а затем он получил летнюю квартиру в жилом Зубовском флигеле Екатерининского дворца. Звучало это пышно <...> Но сохранению здоровья, к несчастью, помогало мало» (*Оклянский Ю. М.* Федин. С. 213). В Зубовском флигеле семья Фединых занимала квартиру из двух комнат в 1933–1935. (Переписка К. А. Фебина и Е. И. и Л. Н. Замятиных / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М., 2016. С. 138, 144). Сам Федин вспоминал в очерке «Рассказ о дворце» (1944): «Лет десять назад я занял летнюю квартиру в жилом Зубовском флигеле с той стороны, которая обращена в парк. Из окон был виден фонтан белого мрамора, чудесные по живописному подбору расцветок деревья, кусты старых подстриженных сиреней, веселые дорожки между газонов» (*Федин К.* Свидание с Ленинградом. Л., 1945. С. 33–34). В конце 1933–начале 1934 Федин повторил курс заграничного лечения, а в 1936 перебрался на постоянное жительство в Москву.

О характере общения И. И. Рыбакова и К. А. Фебина отчасти говорит письмо, посланное Иосифом Израилевичем влиятельному писателю по поводу Ахматовой в 1937. См.: с. 234–235 наст. изд.

Первая встреча Ахматовой и Фебина, по мнению В. В. Перхина и Л. Ю. Коноваловой, произошла в 1921, а знакомство, как сообщила Ахматова Лукницкому, в 1922-м (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Т. II. С. 252). В 1920-е их «объединял общий круг знакомств: Замятины, Щеголевы, Толстые, Белкины» (Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину / Вступ. ст., коммент., подгот. текста Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники. Кн. 1. С. 36). Дочь Фебина вспоминала: «В конце 1920-х гг. создалась такая общинная компания, в которую вошли: Н. Э. Радлов с женой Н. К. Радловой (она же Дина), А. Н. Толстой с женой Натальей Васильевной (она же Туся), Е. И. Замятин с женой Людмилой Николаевной, <...> К. А. Федин с женой. <...> кроме перечисленных выше гостей, бывали на этих обедах-ужинах еще Анна Ахматова, Ольга Форш, Ник. Никитин, Евг. Шварц с балериной Маринского театра Люком, Мих. Ал. Сергеев, Мих. Мих. Зошенко, часто бывал Павел Елисеевич Щеголев» (цит. по: Переписка К. А. Фебина и Е. И. и Л. Н. Замятиных. С. 109). С тех пор Ахматова и Федин были в приятельских отношениях, с годами, когда Константин Александрович стал чиновным и маститым писателем, несколько поблекших. Федин неоднократно старался помочь Ахматовой в трудных обстоятельствах. См. об этом: *Перхин В.* «От старого друга...». Дарственные надписи Анны Ахматовой Константину Федину // Нева. 1995. № 9. С. 222–223; Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину.

³⁷ В 1920-е Замятин часто бывал в Детском Селе (в гостях у Р.В. Иванова-Разумника, Ф. К. Сологуба и др.). 6 августа 1926 Лукницкий записал со слов Ахматовой: «АА в двенадцать сорок в Царском Селе пошла с Датьками к Рыбаковым. У Рыбаковых были Замятины и Радловы. Замятин (и Радлов?) ходили обедать к Спасским, и АА хотела тоже идти, но И. И. Рыбаков (?) уговорил ее остаться. Обедала у Рыбаковых. В Царском Селе все вместе гуляли – АА, Рыбаковы, Замятины, Радловы, Датько» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Т. II. С. 216–217). 15 мая 1927 Лукницкий отметил: «Я провожал АА на Царскосельский вокзал. На вокзале нас встретила Н. Датько, с которой АА условилась ехать в Царское Село. <...> в вагон вошли Замятины, которые случайно ехали в том же поезде в Царское Село (Замятин – на две недели в дом отдыха в Царском Селе)» (Там же. С. 251). Л. Ю. Коновалова: «В 1920-е–1930-е гг. в Детском Селе жили или снимали квартиры на лето многие писатели, художники, композиторы: А. Толстой, Вяч. Шишков, Р. Иванов-Разумник, Е. Замятин, К. Петров-Водкин, А. Остроумова-Лебедева, Ю. Шапорин, Г. Попов, Н. Стрельников и др.» (Переписка К. А. Фебина и Е. И. и Л. Н. Замятиных. С. 138). Когда именно Замятины жили в левом полуциркуле Екатерининского дворца, неизвестно.

По предположению Р. Д. Тименчика, Ахматова впервые увидела Замятина 19 мая 1918, когда участвовала в литературном утреннике «Земля у современных поэтов» (*Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. В 2 т. Иерусалим; М., 2015. Т. 2. С. 429). Есть много документальных свидетельств их дружбы на протяжении всех 1920-х, вплоть до отъезда Замятиных из страны (см.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 324; А. А. Ахматова и Е. И. Замятин: Пе-

реписка (1922–1924) / Вступ. ст., публ. и коммент. Е. Ю. Литвин // Евгений Замятин и культура XX века: Исслед. и публ. СПб., 2002; *Попова Н. И., Позднякова Т. С.* «В том доме было...» и др.). Замятин активно помогал Ахматовой с публикацией ее произведений, стремился улучшить ее материальное положение. При этом известна такая ахматовская оценка их отношений: «Замятин вообще никогда – не было такого случая – не замечает за АА никаких литературных заслуг. Он совершенно игнорирует ее как поэта. Ничего в этом нет удивительного: Замятин не знает поэтов, никогда их не читал <...> Несмотря на такое отношение к себе, АА сказала мне, что любит Замятина, – потому что он честный, смелый, не станет вилять хвостом, в нем есть чувство собственного достоинства...» (*Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. II. С. 270*). Ср. шуточную записку Замятина Ахматовой от 15 августа 1923: «Дорогая великая современница. <...> Я до отъезда (сегодня в 8–30) еще забегу к вам» (Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Е. И. Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. СПб., 1997. С. 215).

Замятина (урожд. Усова) Людмила Николаевна (1883–1965) – фельдшер, жена Е. И. Замятина. Ю. П. Анненков: «Людмила Николаевна, очаровательная и по-русски общительная, была не только верной спутницей Замятина. Она была помощницей и, в некотором смысле, даже сотрудницей своего мужа в его литературных трудах. Замятин всегда давал ей на прочтение первоначальные наброски своих рукописей, и она неизменно делала казавшиеся ей нужными замечания, которые приводили иногда писателя к некоторым формальным изменениям текста. Затем Людмила Николаевна, прекрасная дактилографка, переписывала окончательный текст на пишущей машинке» (*Анненков Ю. П. Евгений Замятин // Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 2001. С. 189*). См. письма Е. И. Замятина к Л. Н. Замятиной (Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. С. 9–420).

Ахматова дружила с Замятиной с августа 1922, о чем говорит ее дарственная надпись на «Белой стае» (4-е изд. Берлин, 1923): «Авг. 1922 – авг. 1925. В третью годовщину нашей дружбы милой Людмиле Николаевне. Анна» (цит. по: А. А. Ахматова и Е. И. Замятин: Переписка. С. 241). «В августе 1922 г. Замятин вместе с другими деятелями культуры был арестован по обвинению в “контрреволюционной деятельности” и приговорен к высылке за пределы России. Всероссийский Союз писателей хлопотал об освобождении от ареста и об отмене высылки для приговоренных. Ахматова принимала в этих хлопотах непосредственное участие» (Там же. С. 241). К 24 сентября 1922 относится беловой автограф стихотворения Ахматовой «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» с надписью: «Для Л. Н. Замятиной» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / Сост. М. С. Лесман и др.; вступ. ст. Н. Г. Князевой. М., 1989. С. 282). Весной 1925, когда у Ахматовой было обострение туберкулеза, Лукницкий отмечал в дневнике: «Замятина – женщина-врач, небольшого роста, некрасивая, симпатичная, добрая. Немножко, м. б., простоватая... Она очень заботится о здоровье АА, приходит к ней каждый день, кладет компрессы <...> Очень заботится о том, чтобы АА не утомлялась, мешает гостям долго сидеть, не позволяет курить в комнате... Делает это тихо, осторожно <...> АА любит Людмилу Замятину. Отзывается о ней с большой теплотой, рада ее присутствию и благодарна ей за уход и заботу» (*Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. I. С. 84*. Запись от 1 апреля 1925). 11 августа 1925 Ахматова написала подруге «Четки» (9-е изд. Берлин, 1922): «В знак любви и дружбы Людмиле Николаевне Замятиной. Анна Ахматова» (*Голубева О. Д. Автографы заговорили. М., 1991. С. 228*). Во второй половине августа и, видимо, частично в сентябре 1925 Ахматова около месяца жила с Замятиной в Сиверской, на даче Щеголевых, уехавших на Кавказ (*Пунин Н. Н. Мир светел любовью. С. 261*. Письмо Ахматовой Пунину из Сиверской, 26 августа 1925; Записные книжки Анны Ахматовой. С. 604). См. письма Ахматовой к Замятиной: *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // *Themes and Variations = Темы и вариации: In honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov et al. Stanford, 1994. С. 456–457*. Еще одно письмо к Замятиной в изд.: *Ахматова А. А. Соч. В 2 т. / Сост. и подгот. М. М. Кралина. М., 1996. Т. 2. С. 321*.

Осенью 1929, во время травли Е. И. Замятина и Б. А. Пильняка из-за публикации за рубежом романа «Мы» и повести «Красное дерево» (см.: Малмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина (по новым материалам) // *Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 117, 130–131*);

Галушкин А. «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Сост. Л. Геллер. М., 1997. С. 89–146), Ахматова в знак солидарности с ними вышла из Всероссийского союза писателей.

«15 ноября 1931 г. Ахматова была в числе немногих близких друзей <...>, кто провожал на Варшавском вокзале Замятина за границу» (Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. С. 248, коммент. М. Ю. Любимовой). Живя во Франции, Замятины передавали Ахматовой послышки. Замятин умер в Париже 10 марта 1937 г. Эту дату Ахматова отмечала в своем дневнике: «10 марта / 1963 / Комарово / День Данта (приговор). / Смерть Замятина (1937) и / Булгакова (1940). Арест Левы (1938)» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 308, см. также с. 445).

³⁸ «Николай Радлов с женой» – с Надеждой Шведе-Радловой.

Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) – живописец, иллюстратор детских книг, художник-сатирик, искусствовед, художественный критик, преподаватель; сын философа Э. Л. Радлова, брат режиссера С. Э. Радлова (Подробно о Н. Э. Радлове: *Иоффе М. Л.* Николай Эрнестович Радлов (Творческий путь) // Иоффе М. Л. Избранные статьи. М., 1964; *Иоффе М. Л.* Николай Радлов // Иоффе М. Л. Десять очерков о художниках-сатириках. М., 1971).

Ахматова была знакома с Н. Э. Радловым с начала 1910-х (*Тименчик Р. Д.* Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 140), бывала в его доме в период как первого, так и второго его брака. Лукницкий о времени первого брака: «...как-то Эльза Яковлевна Радлова, жена Николая Радлова, заходила к АА, пригласила (с Радловым АА очень давно знакома, но за годы революции почти не встречались), и 1 января 1922 года АА пошла к ним обедать. Говорили о стихах... “Было очень натянуто, скучно, они – веселящиеся, разные люди”. АА заговорила о том, как она не любит, когда из нее вытягивают мнение о чужих стихах. И рассказала об Оцупе. А через десять дней узнала, что Эльза Радлова – любовница Оцупа...» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Т. II. С. 107–108. Запись от 16 апреля 1926). Радлова Эльза Яковлевна (урожд. Зандер, 1887–1924) – художница. Ср. запись К. И. Чуковского от января 1926: «Вчера был у Николая Эрнестовича Радлова. Когда я с ним познакомился, это был эстет из “Аполлона”, необыкновенно опроборенный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. Потом в “незабываемые годы” это был муж стареющей и развратной, пьяной, крикливой и доброй жены, которая никак не подходила к нему – и нарушала все его эстетство. Он казался “бывшим человеком”, очень потертым, долго не умел приклеиться к революции <...> Теперь он к революции приклеился: вдруг оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в “Бегемоте”, в “Смехаче” и в “Красной”. <...> Но как непохоже его жизнь на те “Смехачи”, которых он – неотделимая часть. Великолепная гостиная, обставленная с изысканнейшим вкусом, множество картин и ковров, целая “анфилада” богато убранных комнат, – все это страшно подходит к его вялой, небрежной, аристократической, изящной фигуре» (*Чуковский К.* Дневник. 1901–1929 / Подгот. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской; вступ. ст. В. А. Каверина. М., 1991. С. 362). У Чуковского речь идет о ленинградской квартире Н. Э. Радлова, на ул. Халтурина (бывшей Миллионной), 13. Бывала там и Ахматова. Из дневника второй жены Николая Эрнестовича, художницы Надежды Константиновны Шведе-Радловой (урожд. Плансон, 1894/1895(?)–1944), запись от 30 декабря 1927: «Сегодня... Будет Анна Ахматова и писат<ельница> Ольга Форш, приехавшая недавно из Парижа, и вся наша “общинная компания”...» (*Оклянский Ю. М.* Федин. С. 157). «Вечером была у Радловых. <...> Среди гостей был Ал. Толстой и др.» (*Лукницкий П. Н.* Дневник 1928 года. Асумиана. 1928–1929 / Дубл. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биографический альманах. № 9. СПб., 2002. С. 473. Запись от 22 апреля 1928).

Н. К. Радлова – автор несохранившегося портрета Н. С. Гумилева. Н. Э. Радлов – автор шаржа «Сумасшедший корабль» (Государственный литературный музей (ГЛИМ), Москва): на корабле сидят А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам и др. персонажи, связанные с петроградским Домом искусств (Диском, официально – «объединением деятелей искусства и литературы Петрограда для культурно-просветительской работы»). С Диском сотрудничал и сам Радлов. Дом искусств, существовавший в конце 1919–1923, прославился под названием «сумасшедший корабль» после появления в 1930 одноименного романа О. Д. Форш. О Доме

искуств см. также мемуары современников, книгу С. С. Шульца «Дом искусств» (СПб., 1997), статью Е. Ивановой «Непризнанный капитан “сумасшедшего корабля”» (Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 113–119) и др.

В Детском Селе Н. Э. Радлов и Н. К. Шведе-Радлова отдыхали неоднократно. Запись в дневнике Л. В. Шапориной, 30 октября 1931: «Летом в доме Елены Ивановны <Плен> жили Валентина Андреевна <Щеголева> с Анной Ахматовой, Радловы (Николай) и <Валентина> Ходасевич» (*Шапориная Л. В. Дневник*. В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2012. Т. 1. С. 111). Елена Ивановна Плен (1904–1957), преподаватель английского языка в Ленинградском университете и других учебных заведениях, была другом Шапориной и ее соседкой в Детском Селе.

В 1937 Радловы переехали в Москву.

³⁹ А. Н. Толстой с семьей поселился в Детском Селе в мае 1928 и прожил там десять лет. Его дом был «центром детскоесельской художественной “колонии”». В 1928–1929 А. Н. Толстой снимал верхний этаж в доме № 10 (ныне 8) по ул. Московской, с 1930 по 1937 арендовал дом № 4 на ул. Пролетарской (ныне дом № 6 на ул. Церковной) (*Бунатян Г. Г. Город муз: Литературные памятные места города Пушкина*. Л., 1987. С. 184–196. Гл. про Толстого «Большой, умный и веселый талант»). О Толстом, его семье и друзьях этого периода см.: *Толстая Е. Д. Ключи счастья*. Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 356–416.

На вопрос, общались ли Толстые с Рыбаковыми, Ж. Б. Рыбакова ответила: «Общались. Но больше я ничего не могу сказать, не знаю». В ядовитой концовке «некролога» Э. Ф. Голлербах об И. И. Рыбакове говорится: «Случалось и Р<ыбако>ву “налетать” на таких же “ловкачей”, как он сам. Ликвидируя в конце двадцатых годов свою квартиру в Детском Селе, он доверчиво согласился продать прекрасный гарнитур ампириной мебели Т<олстом>-у. С тех пор прошло десять лет, но Р<ыбаков> не получил ничего» (*Голлербах Э. Вместо некролога // Голлербах Э. Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербах*. СПб., 1998. С. 279).

Об отношениях Ахматовой с А. Н. Толстым и его женой того времени, поэтом Н. В. Крандиевской см. с. 31–95 наст. изд.

⁴⁰ Прозаик Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) жил в Детском Селе в 1927–1941, неоднократно меняя адреса. Подробно о его жизни в Детском Селе см. в изд.: *Бунатян Г. Г. Город муз*. С. 172–184.

Общение Ахматовой и Шишкова не назовешь близким, но в 1920-е годы они не раз участвовали вместе в литературных вечерах и встречались в дружеских застольях у общих знакомых. О втором свидетельствует, в частности, шуточная запись Ахматовой в «Чукоккале»: «Была зимой у Грековых. Обедали, пили. У меня был билет на балет “Лебединое озеро”. Жаловалась Шишкову, что приехала в валенках. Шишков (пьяный) сказал: “Хорошо в балет ехать в валенках и выпивши”. + (за неграмотностью)» (*Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл. И. Андроникова*. М., 1979. С. 223).

⁴¹ «Домик Вырубовой» – ул. Средняя (Коммунаров), д. 4; на углу ул. Церковной (Пролетарской) и Средней. «...Оперный певец И. В. Ершов и его жена, певица С. В. Акимова, жили в 1927–1934 в доме, который А. Танеева, выйдя замуж за А. В. Вырубова в апреле 1907, наняла: дом <...>, в котором в пушкинское время жил лицейский преподаватель музыки Теппер де Фергюсон...» (*Тименчик Р. Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сб.* В 2 ч. / Ред.-сост. Н. Мазур. М., 2009. Ч. 2. С. 580). Об упоминаниях Вырубовой в записных книжках Ахматовой и ее поэме «Русский Трианон» («...Попала в вавилонские блудницы, / А тезка мне и лучший друг царицы») см. в справке Р. Д. Тименчика (Там же. С. 580–582), а также в изд.: *Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы*. В 2 т. Иерусалим; М., 2015. Т. 1. С. 451–452; Т. 2. С. 579–580. О Ершове и Ахматовой см.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 12. Симферополь, 2014. С. 131–132.

Акимова о жизни в Детском Селе: «В 1928 году мы перебрались из Ленинграда в Детское

Село (Пушкин). По идее Луначарского, в этом прелестном пригороде образовалась “группа” деятелей искусства, им были отведены дома с большими участками. Особняк, в который мы переехали, был бывшим маленьким дворцом Вырубовой, совсем рядом с Лицеом. Нашим соседом через забор был писатель Алексей Николаевич Толстой» (*Акимова-Ершова С. В.* Воспоминания певички / Предисл. Г. Тигранова. Л., 1978. [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kriwosheina_ksenija_igorewna/text_0360.shtml).

Иван Васильевич Ершов (1867–1943) и Софья Владимировна Акимова-Ершова (в первом браке Андреевская-Акимова, 1887–1972) упомянуты в ахматовских дневниках не только в связи с общением с ними в Детском Селе, но и в связи со смертью Блока: «Когда мы (Ольга Судейкина и я) пришли на первую панихиду по Блоку на Офицерскую, Ершovy (Ив<ан> Вас<ильевич> и его жена), жившие с Блоком в одном доме, говорили, что он так кричал от боли, что прохожие останавливались под окнами» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 746, 683). Ахматова в передаче Лукницкого: М. Чехов – «это единственный актер, которого вообще в жизни я видела. И Ив. Вас. Ершов, – но это оперный...» (*Лукницкий П. Н.* Асуміана. Т. 1. С. 81). Ахматова встречала Ершова и в санатории в Кисловодске, где отдыхала летом 1927 (Там же. Т. 2. С. 281). О И. В. Ершове см.: *Гозенпуд А. А.* Иван Ершов: Оперный певец: Жизнь и сценическая деятельность. Л., 1986; др.

Сын Ершова и Акимовой – график и живописец Игорь Иванович Ершов (1916–1985).

⁴² Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) – художник, теоретик искусства, писатель. Автор символистских композиций, историко-революционных картин, портретов, натюрмортов.

Жена художника Мария Федоровна Петрова-Водкина (Мария-Жозефина Йованович, наполовину сербка, наполовину французка; 1885–1960) – автор мемуаров. См.: *Петрова-Водкина М.* Mon grand mari russe... <Мой великий русский муж... – О. Р.> (Воспоминания жены художника) // Волга. 1971. № 9. С. 155–175; см. также: *Петрова-Водкина М. Ф.* Мой великий русский муж... Саратов, 2008.

Дочь художника Елена Кузьминична Петрова-Водкина (в замуж. Дунаева, 1922–2008), к которой обращена его документальная повесть «История одного рождения», – автор воспоминаний об отце «Прикосновение к душе». См.: Петров-Водкин: В центре Жизни Жизней: Воспоминания, письма, документы / Сост. А. В. Барзилович. СПб., 2018.

«Постоянно бывал у Шишкова художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, который переехал в Детское Село в конце 1927 года. Художник заболел туберкулезом, и ему была предоставлена квартира во втором этаже здания Лицея, выходящая окнами на Знаменскую церковь. <...> Художник <...> задумал в 1928 году автобиографическую трилогию “Хлыновск”. Очевидно, непосредственным толчком к началу работы над этим большим литературным произведением послужило общение с писателями, жившими в Детском Селе...» (*Бунатян Г. Г.* Город муз. С. 177). Петров-Водкин жил в Детском Селе, в здании Лицея, по 1936 год включительно, но, судя по воспоминаниям жены, проживание не было непрерывным (*Петрова-Водкина М.* Mon grand mari russe. С. 170–171). Несколько лет он почти не мог заниматься живописью из-за угрожающей формы туберкулеза, в эти годы он вернулся к писательству.

Из устных воспоминаний Е. К. Петровой-Водкиной об отце: «Жили в Пушкине – в Пушкинском Лицее папе дали квартиру. Одна комната была столовой и гостиной, мама со мной в спальне жила, и папина – он там рисовал. Когда я еще маленькая была, мы с ним и подрамники делали сами, и натягивали холсты, и грунтовали. Папа мне сначала показывал, как нужно натягивать холсты, чтобы никакой складочки нигде не было. Как-то мне было приятно, что я могу что-то помочь, что-то сделать. Всю жизнь я с папой была в контакте. Потом, после работы, обедали и шли гулять в парк. В Екатерининский он не любил, а шли в Александровский. <...> Просили написать портреты писателей России. Папа начал рисовать портреты Федина, Шишкова, Толстого, Андрея Белого. Многие жили в Пушкине, часто у нас четверги были, так что собирались все. <...> Каждый приносил свои кто пьесы, кто музыку, кто повести или романы.

Шишков тоже приносил “Угрюм-реку” читать, потом мама, ведь она училась в консерватории пению, и с нашим хорошим знакомым они пели в дуэте, маленький концерт устраивали. Мама готовила пирожные, пироги. Гаврила Попов был композитор. Форш была у нас часто. Это пока мы жили в Пушкине. А в Ленинград мы переехали в начале 1937 года. И здесь папе дали квартиру в кооперативном доме, а наверху была мастерская. Его в Ленсовет выбрали. Ведь он же был председателем Союза художников, организовал все это, ездил из Пушкина сюда, ему это было тяжело. Он же болел туберкулезом, в 1928 году он заболел. Но 11 лет он прожил после этого, и врачи говорили, что это только благодаря маминому уходу» (передача на радио «Свобода» «Культурный дневник», 17 июля 2008 года, ведущий Д. Волчек. «Гость программы: Елена Петрова-Водкина – дочь художника». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/456740.html>).

Петров-Водкин и Ахматова были знакомы с начала 1910-х. В 1920-е художник время от времени бывал у Ахматовой в гостях. Лукницкий, 11 июня 1927: «Сегодня в 4-м часу дня к АА пришел К. С. Петров-Водкин. Человек, не знающий, когда надо уходить. <...> И разговоры с ним скучны и невыносимы. Петров-Водкин – “лиса последняя” – сидел и даже не прикрыто шутил на каждом слове...»

Когда АА жила вместе с Судейкиной, Петров-Водкин был их ужасом, их наказанием за какие-то грехи: он приходил и просиживал бесконечное количество часов.

АА разговаривала с ним сегодня с колоссальным напряжением, тем большим, что старалась не показать этого напряжения ему.

Петрова-Водкина АА считает хорошим художником» (*Лукницкий П. Н. Асумиана. Т. II. С. 271–272*). Ср. характеристику художника из мемуарного очерка о нем Голлербаха: «Он любил вещать и поучать, очень любил философствовать и делал это “по-расейски” <...> Священное “не могу молчать”, яростное отвращение к банальности и пошлости <...> очевидная органическая талантливость – все это примиряло с косноязычием и невнятицей водкинских тирад» (*Голлербах Э. Йод и синька // Голлербах Э. Встречи и впечатления. С. 306–307*).

Существует портрет Ахматовой работы Петрова-Водкина (1922) и два этюда к нему, акварельный и карандашный (оба 1922). Один из этюдов находится в коллекции Рыбаковых (подробнее о нем см. с. 232, наст. изд.), другой – в ГЛМ. Портрет маслом хранится в Русском музее. Воспроизведение всех трех изображений с сопровождающим текстом см. в изд.: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников / Предисл. Н. И. Поповой. Вступ. ст. О. Е. Рубинчик. Тексты – Т. С. Поздняковой и др. М., 2004. С. 8, 70–75. См. также: *Шилов К. В. Петров-Водкин и Анна Ахматова: заметки о портрете поэта // К. С. Петров-Водкин и XXI век: Сб. статей. Саратов, 2008. Ахматова о портрете: «Неудачно, по-моему» (Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 282); «Портрет Петрова-Водкина <...> непохож – он робкий» (Венцлова Т. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., коммент. О. Е. Рубинчик. СПб., 2001. С. 84). Искусствовед Ю. А. Молок оценивает этот портрет иначе: «...никак не вписывается в иконографию ахматовских портретов. Он сделан без оглядки на своих предшественников, а только на свое, на “Петроградскую мадонну” <...> Не случайно Маригетта Шагинян называла этот портрет “иконописным” <...> “Возникает духовный портрет, «икона». Земная прелесть тут вся сошла на нет, исхудала, обобщилась, но напряжение воли бросает вам из глаз запечатленного человека бессмертное бытие. <...>”. Именно Петров-Водкин перевел лирический литературный портрет поэта в портрет эпический...» (*Молок Ю. Вокруг ранних портретов // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 84–85*).*

⁴³ Еще в XIX веке, после того, как учебное заведение в 1843 было переведено в Петербург и переименовано в Императорский Александровский лицей, здание Царскосельского лицея подверглось перепланировке и в нем стали проживать служащие Царскосельского дворцового правления. После национализации в 1918 здание продолжали использовать под жилье (сайт

«Парки Царского Села и окрестностей. Путеводитель», раздел «Императорский Царскосельский лицей». [Электронный ресурс]. URL: http://a-парк.рф/19-Muzej_licey_Pushkin.html).

В 1920–1930-е в Лицее отдыхали и жили многие представители творческих профессий. Ср. строки письма Р. Иванова-Разумника Андрею Белому от 10–15 ноября 1926: «В эту осень в Царское Село вообще потянулись петербуржцы, и почему-то особенно писатели. <...> в лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности; есть и *dii minores* <младшие, второстепенные боги (*лат.*) – О. П.> или, вернее, *dii minimi* <мельчайшие боги (*лат.*) – О. П.>, вроде Лавренева <...> Целая питерская колония; становится немного жутковато...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410). Н. Я. Мандельштам: «Когда-то нам пришлось из-за моей болезни <из-за туберкулеза. – О. П.> прожить два года в Царском Селе, да еще в Лицее, потому что там сравнительно дешево сдавались приличные квартиры, но О. М. этим ужасно тяготился – ведь это почти святотатство! – и под первым же предлогом сбежал и обрек нас на очередную бездомность» (*Мандельштам Н.* Воспоминания // Мандельштам Н. Собр. соч. В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 105–106).

«Впервые Лицей был частично воссоздан в 1949 году. В нижних этажах оставались жилы – их еще не представлялось возможным выселить <...> В 1966 году, по предложению Министерства культуры РСФСР, Ленгорисполком принял решение о расселении лиц, проживавших в историческом здании. С этого момента начался новый этап в истории Лицея» (*Алянский Ю.* В комнате № 14 // Звезда. 1974. № 6. С. 150). Последние крупные работы по музеефикации и реставрации помещений Лицея были завершены в 1974.

⁴⁴ Поэтесса и одна из «муз» Серебряного века Паллада (Палладия) Олимповна (Олимпиевна), урожд. Старынкевич, в последнем браке Гросс, псевдоним – Богданова-Бельская (1885–1968). Автор стихотворного сборника «Амулеты» (Пг., 1915). Подробно о ней см.: Барон и Муза: Барон Н. Н. Врангель. Паллада Богданова-Бельская / Сост. А. А. Мурашев и А. Ю. Скаков. СПб., 2001; *Соболев А. Л.* Аметистовая свинка: новые материалы к биографии П. О. Гросс // Соболев А. Л. Турганев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017 и др. О ней в связи с литературно-артистическим кабаре «Бродячая собака» см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985; *Шульц С. С.* «Бродячая собака». СПб., 1997. С. 126–132; *Тименчик Р. Д.* «Бродячая собака»: Воспоминания Б. М. Прилежаевой-Барской // Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 178, 235–237 и др.

Гросс Виталий Николаевич (1903–1935): «Следующим ее мужем стал Виталий Николаевич Гросс – художественный критик, журналист, библиофил, экслибрисист; впоследствии заведующий отделом искусств «Вечерней Красной газеты», мягко ассимилировавшийся к советской действительности (его персональная библиография включает, в частности, сборники “Город Ленина в социалистическом строительстве. Фото-книга” и “На большевистском пути: Сборник документов”»)» (*Соболев А. Л.* Аметистовая свинка. С. 135). Из дневника Шапориной: «Меня поражает, с какой легкостью теперь все говорят о насилии. <...> Не говорю уже о Гроссе. Тот захлебывается от честолюбия, от боязни что-то упустить, не захватить кусочек власти. Он иначе не говорит, как “мы”: мы закрыли несколько обществ – Куинджистов и Общину художников, они нам не нужны, нечего им собираться. Мы закроем музеи, нам не нужны Фомин и Щуко и т. д.» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 86–87. Запись от 17 февраля 1930).

В годы брака с Гроссом, длившиеся с 1924-го по 1935-й, Паллада Олимповна с семьей жила в Детском Селе в здании Лицея. См.: «Не забыта и Паллада...»: Из воспоминаний графа Б. Г. Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // Русская мысль. Лит. прилож. № 11 к № 3852 от 2 ноября 1990. С. XI. Шапорина, не без симпатии описавшая в дневнике Палладу периода «Бродячей собаки» («...забавна, занята. Куртизанка, гетера, дочь генерала, более или менее обеспеченная, достаточно бескорыстная, остроумная, в ней был экзотический шарм...»), о Палладе дет-

соскользкого времени написала так: «После моего <...> переселения в Детское застала ее уже здесь. За это время она женила на себе двадцатилетнего Гросса, “заимела” (как теперь говорят) от него ребенка и превратилась в домохозяйку. Но какую! Прислуги у нее менялись каждую неделю, уходили со скандалами, драками, убегали в форточки. Грязь дома невероятная. Гросс работал, как вол. Служил, писал, таскал кули из города. Тащил булки, керосин, картошку, все. А Паллада дралась с прислугами, ходила по гостям, волоча за собой измученного четырехлетнего Фитика <правильно «Ритика», Эрнеста Витальевича Гросса. – О. Р.>, и сплетничала, сплетничала»; об умершем В. Н. Гроссе: «Жаль так рано сгоревшей жизни, так обидно заезженной этой старой отвратительной бабой» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 202–204. Запись от 21 ноября 1935).

Знакомство Ахматовой с Палладой, начавшееся не позднее, чем во времена «Бродячей собаки», открывшейся 31 декабря 1911, пунктиром продолжалось по 1960-е. 20 ноября 1925 Лукницкий записал: «Рассказала, что к ней сегодня с письмом от Паллады Богдановой-Бельской приходил ее муж (он ей не представился, а она его лично не знает, поэтому она с ним не говорила). Паллада в письме просит сообщить адрес Судейкиной... Письмо очень милое... Паллада пишет, что не приглашает АА к себе, потому что они очень бедны (!), и ее единственная радость – ребенок, который недавно родился. АА сказала, что теперь адрес Паллады известен, и я могу пойти к ней, когда она не будет так занята ребенком...» (*Лукницкий П. Н. Acumiana*. Т. 1. С. 259). В конце декабря 1965 Паллада Олимповна поздравила Ахматову с Новым годом в письме, где были строки: «Наверное, я скоро умру, потому что очень хочу вас видеть и слышать, – а я теперь тень безрассудной Паллады. Страшная тень и никому не нужная. А жизнь так интересно шумит и скачет... Слава Богу, что вы по ней мчитесь вперед, я бесконечно радуюсь за вас и горжусь вами как современница ваша» (Об Анне Ахматовой. С. 550, письмо П. О. Гросс). Ахматова вспоминала: Паллада «была знаменита. Браслеты на ногах, гомерический блуд. Один раз при мне она сказала своей приятельнице: “У меня была дивная квартира на Моховой. Ты не помнишь, с кем я тогда жила?”» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 33–34. Запись от 20 июля 1939). О Богдановой-Бельской в связи с ахматовскими «Записными книжками» см.: *Тименчик Р.* «Записные книжки Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I // Эткиндовские чтения: II–III. Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинды / Сост. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац. СПб., 2006. С. 225–227.

⁴⁵ О периоде, проведенном Е. Я. Данько с матерью в комнатах на четвертом, верхнем этаже Лицея, Елена Яковлевна упоминает в мемуарах о Ф. К. Сологубе: живя в Детском Селе, он нанес ей скандальный визит (ломился к ней, когда она принимала «солнечную ванну»). Поскольку Сологуб жил в Детском Селе весной и летом 1925–1927, а активное общение Е. Я. Данько с ним началось в конце 1925 (см. вступ. ст. и примеч. к публ.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. ст., публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. А. В. Лавров. Т. 1. М.; СПб., 1992), то, по-видимому, она жила в Лицее летом 1926 или 1927.

Время проживания Е. Я. Данько в Лицее не было единственным временем пребывания ее в Детском Селе. Записи Лукницкого 1927: 15 декабря Ахматова «получила письмо от Е. Данько из Царского Села (Е. Данько на месяц поместилась там в здравнице)»; 18 декабря Ахматова «собралась ехать в Царское Село к Е. Данько (которая живет в санатории КУБУ на Широкой ул.). <...> В Царском Селе проводил АА до Е. Данько <...> АА вернулась в город одна часом в шесть вечера» (*Лукницкий П. Н. Acumiana*. Т. II. С. 332–334). Запись Л. В. Шапориной от 5 сентября 1939: «Е<лена> Я<ковлевна> летом отдыхала в Доме творчества в Детском, в бывшем доме Толстого» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 240). Сестры Данько часто бывали в Детском Селе как порознь, так и вместе. Свидетельства этому есть, например, в обоих томах цитируемого здесь дневника Лукницкого.

О дружеских отношениях сестер Данько и Ахматовой, завязавшихся не позднее 1923, и ахматовских портретах работы Натальи Яковлевны (статуэтка, бюст и проч.) и Елены

Яковлевны см. с. 217–232 наст. изд. Там же – о тесной дружбе и творческом взаимодействии И. И. Рыбакова и Н. Я. Данько – на с. 228–229 и др.

О стихах Е. Я. Данько и графических изображениях Ахматовой ее работы см.: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 65. Стихи Данько, посвященные Ахматовой, см.: Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралина. Л., 1990. С. 115–118.

О самой Е. Я. Данько: *Димьяненко А.* Фарфоровая чашечка // Данько Е. Я. Китайский секрет / Послесл., коммент. А. Димьяненко, Е. Казаковой, И. Сусловой. М., 2016. О Н. Я. Данько: *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. Наталья Яковлевна Данько и ее творчество. М., 1965. Об обеих сестрах: Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько / Автор-сост. В. В. Левшенков; под науч. ред. В. В. Знаменова. СПб., 2012 и др.

⁴⁶ Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) – композитор, дирижер, педагог; народный артист СССР, лауреат трех Сталинских премий.

Шапорина Любовь Васильевна (урожд. Яковлева, 1879–1967) – художница, создательница первого в советской России театра марионеток, переводчица, автор уникального дневника: «Это не имеющий аналогов среди опубликованных на сегодняшний день дневников советского периода путеводитель абсолютно по всем аспектам жизни 1920–1960-х гг. <...> И наконец: это дневники человека, которому чужда власть, правящая страной, и который на всем протяжении дневника (собственно, всей жизни) искренне пишет об этом» (*Сажин В.* Институтка: автопортрет в советском интерьере // Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. С. 6).

О детскосельском житье Шапориных: «Летом 1929 г. Шапорина переехала сюда на постоянное жительство (ул. Коммунаров – ныне Средняя, – д. 21, кв. 7») (Там же. С. 519). Шапорины занимали половину одноэтажного деревянного дома в конце ул. Коммунаров (*Бунатия Г. Г.* Город муз. С. 193). «...Шапорин чаще пребывал в городской квартире или уезжал надолго в Москву, а жену с детьми с лета 1929 г. поселил в Детском Селе, куда эпизодически наезжал. В их жизни возобновилась <...> двусмысленность, сопровождавшаяся пересудами многочисленных знакомых. Хозяйка обеспечивала формальную внешнюю благопристойность детскосельского семейного уклада, благодаря чему впоследствии вспоминали, например, “о чудесном доме Шапориных <...>, овеянном высоким духом незабвенной первой его супруги Любови Васильевны Яковлевой-Шапориной, художницы-портретистки, кукольницы, переводчицы (с пяти языков!), человека редкой образованности и доброты” <...> Наступил 1934 год. Шапорин <...> практически расстался с семьей <...> В Москве у него уже была другая семья...» (*Сажин В.* Институтка: автопортрет в советском интерьере. С. 12–14). В 1935 Шапорина перебралась в Ленинград. Подробнее о ее жизни в Детском Селе, кроме дневника и статьи В. Н. Сажина, рассказывает Е. Д. Толстая в книге «Ключи счастья» в главе «Царскосельские пенаты».

⁴⁷ Прежде всего стоит отметить, что Шапорина, несмотря на ее антисемитизм (известный из дневника, но мало проявлявшийся в жизни), была приятельницей семьи Рыбаковых. Ж. Б. Рыбакова: «Я помню, что в послевоенное время были с Любовью Васильевной добрые отношения. Пока бабушка была здорова, виделись. Бывала ли она у нас, не помню. Но имя ее в доме было на слуху. Тем более, что Соня (Софья Васильевна Шапорина, внучка Любови Васильевны), училась в той же школе, где и я. Она была на класс старше. Это школа у кинотеатра «Спартак», № 189, бывшая Анненшуле. Так что были общие “детские” темы. После 1949 г. бабушка болела, и общение было только по телефону, и то с мамой, а не с бабушкой. А с Соней я всю жизнь продолжала общаться». В дневниках Шапориной есть несколько упоминаний о Рыбаковых. О смерти Рыбакова Шапорина узнала почти сразу, как о ней было сообщено семье: «Умер Рыбаков в тюрьме. Умер Мандельштам в ссылке» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 231. Запись от 19 февраля 1939). В РНБ хранятся письма Ю. А. Шапорина к И. И. Рыбакову (ОР РНБ, ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений), ч. II, ед. хр. 1958).

Ахматова могла быть знакома с Шапориной (тогда Яковлевой) и ее будущим мужем-композитором еще со времен «Бродячей собаки». Однако первое упоминание о ней в дневнике

Шапориной относится к 30 октября 1931, когда, в уже цитировавшейся записи о летнем проживании Ахматовой со Щеголевой по соседству от Шапориных, Любовь Васильевна отметила: «Ахматова, которую я так близко увидала и узнала впервые, – редко обаятельный человек. Я часами могла говорить с ней, любясь ее тонким, нервным лицом» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 111). К лету 1931 относятся записи японского русиста Кандзо Наруми о его детскосельских встречах. 26 июля он был в гостях у Шапориных, когда к ним пришла Ахматова («живет совсем близко»). 1 августа зашел к Шапориным и узнал, что Ахматова «уехала в город». 2 августа «зашел к Анне Ахматовой. Позвонил, но никто не ответил. У входа встретился с Николаем Эрнестовичем <Радловым> <...>. Он сказал, что Ахматова у Шапорина, потому что туда приехала Юдина» (пианистка М. В. Юдина). 5 августа «решил зайти к Анне Андреевне. На звонок вышла прислуга и сказала, что сегодня Ахматова уехала в Ленинград <...> совсем, но завтра должна приехать за вещами» (*Накамура Ё.* Анна Ахматова в дневниках Наруми / Пер. с яп. А. Хамано и С. Кадзи; *Кадзи С.* Кандзо Наруми и его жизнь в России // МЪра: Литературный, историко-художественный, религиозно-философский журнал. 1994. № 4 (6). С. 78–79, 91). Со времени детскосельского общения Ахматова и Шапорина стали навещать друг друга. 8 ноября 1933 Любовь Васильевна записала: «Третьего дня у меня была Анна Ахматова. Вот у кого сохранилась и поступь и благородство былых дней. Я ее мало знаю, и ее личная жизнь мне мало понятна – Лурье, Пунин. Но она обаятельна, и она никому не поклонилась и ничем не поступилась» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 146). И в записи Шапориной от 11 ноября 1952 звучит: «Я знаю ее очень поверхностно...» (Там же. Т. 2. С. 213), хотя к тому времени дружба с Ахматовой насчитывала около двадцати лет. Записи Шапориной свидетельствуют о том, что Ахматова не боялась обсуждать с ней самые опасные темы: репрессии, пытки, аресты своего сына. Особенно интенсивным их общение стало после Ждановского постановления, глубоко возмущившего Шапорины. Их встречи, в последние годы, по-видимому, более редкие, продолжались до конца жизни Ахматовой.

В ахматовских записных книжках Шапорина упоминается около 15 раз, в основном в списках: в числе тех, кто должен прийти, кто был у Ахматовой в больницах, кому предназначаются публикации стихов и недавно вышедшие книги, а также самиздатский текст «Реквиема».

О дружеских отношениях Шапориной и Крандиевской, начавшихся в период их проживания в Детском Селе, упрочившихся в период общих испытаний, в блокаду, и сохранившихся до конца жизни Наталии Васильевны, рассказывает дневник Шапориной. О взаимоотношениях и творческом сотрудничестве семьи Толстых и семьи Шапориных см.: *Толстая Е. Д.* Ключи счастья (глава «Царскосельские пенаты»).

⁴⁸ Головин Александр Яковлевич (1863–1930) – живописец, сценограф, реформатор оформительского искусства; член художественного объединения «Мир искусства», действительный член Академии художеств (1912), народный артист РСФСР (1928).

Головин поселился в Царском Селе в 1913 и оставался там до конца своей жизни, после революции – почти безвыездно; перед тем, как переселиться в полуциркуль Екатерининского дворца, жил на Малой ул. (ул. Революции), по-видимому, в доме 36 (*Голлербах Э.* Жизнь и творчество А. Я. Головина. Л., 1928. С. 46; *Бунатия Г. Г.* Город муз. С. 161). О Головине второй половины 1920-х: «Произведения последних лет разбросаны по частным коллекциям (собрание И. И. Рыбакова, Ф. Э. Криммера, П. С. Радецкого и др.). За годы революции художник <...> ничего не писал “для себя”. <...> Стены его квартиры в полуциркуле Детскосельского Большого дворца пусты. Здесь, в стародавних стенах Растрелли, в городке, где бродят тени прошлого, “где каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет”, Головин похож на низложенного короля, сбросившего горностаевую мантию и отдыхающего в своей резиденции от мирской суеты. Время, посеребрившее его голову и пошатнувшее его здоровье, не отняло у него ни таланта, ни мастерства, ни чуткости ко всему прекрасному...» (*Голлербах Э.* Жизнь и творчество А. Я. Головина. С. 89–90).

О близкой дружбе Головина с Рыбаковыми см. с. 218 и 282 наст. изд. См. также: *Рыбакова О. И.* О Головине-портретисте // Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Голови-

не / Сост. и коммент. А. Г. Мовшенсона; вступ. ст. Ф. Я. Сыркиной. Л.; М., 1960. С. 333–337. В том же изд. – записка Головина Л. Я. Рыбаковой. В ОР РНБ находятся письма Головина к Рыбакову за 1916–1919 (ф. 1000, оп. 2, ч. I, № 334). Многочисленные работы художника, хранившиеся в семейном собрании Рыбаковых, см. в «Списке произведений А. Я. Головина» (*Головин А. Я. Встречи и впечатления: Воспоминания художника / Ред. и коммент. Э. Ф. Голлербаха. Л.; М., 1940*).

Поскольку Головин был связан с кругом журнала «Аполлон», Ахматова, видимо, была знакома с ним с начала 1910-х. Она помнила, что в мастерской Головина в Маринском театре, где 19 ноября 1909 собрались сотрудники «Аполлона», М. А. Волошин дал пощечину Н. С. Гумилеву, следствием чего стала дуэль. Уже сообщалось, что Ахматова назвала художника в перечне памятных ей царсетелов (вспомнила его первым): «...1) Головин (получируль)...». Бывая в полуциркулье Екатерининского дворца у Рыбаковых, она, конечно, встречала и Головина. О безусловности их знакомства говорит запись Лукницкого: «Комический случай: Станиславский <в санатории в Кисловодске летом 1927. – О. Р.> предложил АА дать ей рекомендательное письмо к Головину» (*Лукницкий П. Н. Асумиана. Т. 2. С. 281. Запись от 27 июля 1927*). Не названный в «Поэме без героя», Головин – один из тех авторов, чье творчество вызвало к жизни образы Командора и Дон Жуана и стоит за строками «...Мейерхольдовы арапчага / Затевают опять возню»: именно он был художником спектакля Мейерхольда по пьесе Мольера «Дон Жуан» (Александринский театр, 1910). «...Постановка Головина – “Дон Жуан” была задумана им в тесном содружестве с В. Э. Мейерхольдом. <...> В. Э. Мейерхольд ввел в постановку ливрейных арапчаг, которые бегают, кувыркаются, курят амброй, звонят в серебряный колокольчик» (*Голлербах Э. Жизнь и творчество А. Я. Головина. Л., 1928. С. 39–40*). Тема маскарада, во многом определившая сюжет и образность «Поэмы без Героя», тесно связана с «Маскарадом» Лермонтова в постановке Мейерхольда и сценографии Головина: «Определить, когда она <поэма. – О. Р.> начала звучать во мне, невозможно. То ли это случилось, когда я стояла с моим спутником на Невском (после генеральной репетиции “Маскарада” 25 февраля 1917 г.), а конница лавой неслась по мостовой...» (*Ахматова А. А. Соч. В 2 т. Сост., подгот. текста и коммент. Э. Г. Герштейн, В. Я. Виленкина. М., 1990. Т. 2. С. 251*). «Она была на премьере “Маскарада” в день февральской революции. <...> Спектакль был очень пышно оформлен (Головиным), “слишком много мебели на сцене”, что А.А. не понравилось» (*Будыко М. И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. С. 464*). Несмотря на недовольство Ахматовой излишней пышностью оформления «Маскарада» и, возможно, мирискусническим стилем Головина в целом, есть основания думать, что в «Поэме без героя», а также в ряде ахматовских стихов нашли отражение и другие работы художника (портреты, образы из оперных и балетных постановок).

⁴⁹ Писательница Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова, псевд. А. Терек, Шах-Эдин, 1873–1961), по образованию преподаватель и художник, жила по разным адресам в Царском Селе в 1910–1917, работала учителем рисования и лепки. В 1920–1930-е часто приезжала в Детское Село (Пушкин), навещала литераторов, а также родных своего учителя, художника П. П. Чистякова, которого уже не было в живых (*Бунатян Г. Г. Город муз. С. 166–168*). 7 января 1924 К. И. Чуковский писал Л. Н. Лунцу, что Форш «живет теперь в Царском. Это теперь такая мода: там теперь обитают Сологуб, Ив<анов>-Разумник, Голлербах, Форш и Маршак. Целая колония» (*Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 8. Симферополь, 2010. С. 69*). В послевоенные годы Форш подолгу гостила в царскосельском доме Чистякова (Московское шоссе, д. 23) у его родственницы О. Э. Мейер-Чистяковой. В последние годы жизни проводила лето в собственном домике неподалеку от г. Пушкина – в поселке Тярлево на окраине Павловска. Согласно желанию Форш, она была похоронена на царскосельском Казанском кладбище (*Бунатян Г. Г. Город муз. С. 171*).

Время и обстоятельства знакомства Ахматовой и Форш неизвестны. К 1923 они были уже достаточно дружны, чтобы Форш написала Н. А. Павлович в Оптину пустынь: «...

будет ли у вас или где поблизости место <...> чтобы хоть на неделю пристроить меня и Анну Андреевну Ахматову. Хотим ехать вместе к вам» (открытка от 28 февраля 1923, цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. С. 70); Ахматова в Оптиной пустыни не побывала. Справка о дружеском общении Форш и Ахматовой: Там же. С. 69–71.

⁵⁰ Имеются в виду 1926 и 1927.

⁵¹ Видимо, речь идет о карикатуре Н. И. Альтмана 1914, хранящейся в ГЛИМ, хотя назвать этот резко карикатурный рисунок полукарикатурным сложно (воспроизведение см.: Анна Ахматова. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. С. 31; В ста зеркалах. С. 47).

⁵² Фотографии, связанные со временем проживания Ахматовой в квартире Рыбаковых, по-прежнему хранятся в их семейном архиве. О других экземплярах и их воспроизведении см., например, в данной публикации в примеч. 33.

⁵³ *Ахматова А.* Классическая поэзия Востока. Переводы / Вступ. ст. С. Липкина М., 1969. На мягкой обложке фрагмент фотографии, о которой пишет О. И. Рыбакова.

⁵⁴ Последняя фраза написана от руки.